

18+

АЛИШЕР ТАКСАНОВ

Сказки о моём драконе

Алишер Таксанов
Сказки о моём драконе

«Издательские решения»

Таксанов А.

Сказки о моём драконе / А. Таксанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692057-6

У обычного парня дома живет дракон по имени Зубастик. Он профессор всех наук, спортсмен, рекрут на военную службу, влюбленный в кентавриду, спасатель от инопланетных цигелей. Хозяин и его питомец попадают в различные переделки, и только их честность, смелость и знания позволяют выходить сухими из воды.

ISBN 978-5-00-692057-6

© Таксанов А.
© Издательские решения

Содержание

Мой домашний дракон	7
Зубастик и кибернетический дракон	12
Параллельные миры драконов	24
Дракон и его антипод	38
Дракон и инопланетяне	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сказки о моём драконе

Алишер Таксанов

Памяти Кармен Терезы Диас Редольфо (15 июля 197 года, Перу – 24 января 2026 года, Швейцария), матери моей младшей малышки Марии Фернанды Таксановой Диас. С любовью в сердце.

Редактор ChatGPT

Иллюстратор ChatGPT

© Алишер Таксанов, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-2057-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой домашний дракон (Вместо предисловия)

У всех людей домашние драконы как драконы, только у меня не такой. Поймите сами, мой Зубастик не вписывается в общую картину этих сказочных существ. Не полыхает он огнем, проносясь над головами жителей какого-нибудь городка, не разрушает замки и дворцы, требуя полного себе подчинения местного населения, тем более не пленит людей, ибо избегает войны, не возглавляет государство, потому что не желает стать правителем, также не требует дани или выкупа, не охраняет сокровища, не живет на кладбище, не унижает героев и так далее и тому подобное.

Он не сидит на вершинах гор, не рычит на луну, не собирает вокруг себя стаи огнедышащих сородичей, не украшает чешую черепами побежденных врагов и не считает количество подвигов за меру собственной значимости. Он даже когти подстригает аккуратно, чтобы, не дай бог, не поцарапать мебель. Ничего подобного Зубастик не совершает.

Наоборот, сидит он у меня дома и читает какие-нибудь заумные книги из библиотеки. А библиотека у нас – отдельная гордость: от пола до потолка тянутся темные деревянные стеллажи, прогибающиеся под тяжестью фолиантов в кожаных переплетах, пахнущих пылью, старыми чернилами и чем-то еще, сухим и терпким, словно временем. Между томами торчат закладки из пожелтевшей бумаги, где-то прижались друг к другу свитки, перевязанные шнурами, а на верхних полках пылятся огромные энциклопедии с вытертыми золотыми буквами на корешках.

Зубастик разваливается в старом кресле, поджав под себя хвост, вертит его кончиком, как маятником, и при этом смеется:

– Ха-ха, этот Сократ – большой любитель философских шуток!.. Ну, Вольтер здесь очень резок, так нельзя, нужно помягче с оппонентами... Хм, Ибн Хальдун неплохо провел параллели с экономической оценкой собственности...

Я только пожимаю плечами, ибо не понимаю, о чем твердит мой домашний дракон. Сократ – это, наверное, отдел кадров, который сокращает что-то, а вот Вольтер – это что-то связано там с электричеством. Хальдун – странное имя, наверное, джин из лампы Аладдина.

Но Зубастик многосторонен, он интересуется и другими науками. Вот, крутится у электрической печки, в колбах мешает растворы, чертит на доске химические формулы и, поправляя большие очки с толстыми стеклами, из-за которых его глаза кажутся огромными и чуть печальными, бормочет:

– Аш-два-эс-о-четыре... так-так, реакция слишком сильная при соприкосновении с аш-два-о... Много энергии выделяется...

Он исписывает доску мелкими цифрами, стрелками, скобками, ставит знаки интегралов, выводит дроби, что-то зачеркивает, снова пишет, считает в уме, прищурившись, и тихо постукивает когтем по подбородку.

– А если мы добавим немного аргона и аргентума и окислов железа?.. Хм, что-то необычное в этом растворе...

От колб несет нечто едким, горьким и металлическим, словно воздух пропитался запахом ржавчины, серы и подгоревшей резины. У меня моментально першит в горле, слезятся глаза, и я начинаю кашлять, а дракону хоть бы что, он может работать и в дыму, и в условиях радиации.

На мои замечания он небрежно отвечает:

– Наука требует жертв, хозяин.

– Так почему я должен быть жертвой? – пытаюсь я возмутиться, на что Зубастик трепещет крыльями от нетерпения, мол, не отвлекай. Из лаборатории продолжают валить клубы дыма, и разряды электрической дуги освещают все пространство синими вспышками. Бр-р, жуткое зрелище, не для слабонервных. Мне приходится переходить в другую комнату.

Или в периоды спокойствия и отдыха он играет на скрипке, от чего у меня слезы льются из глаз – слишком печальные нотки извлекает Зубастик из инструмента. Звуки тянутся, как тонкие нити, дрожат, срываются в тихие всхлипы, потом снова собираются в тягучие мелодии, словно кто-то медленно рассказывает о потерянных мечтах, несбывшихся надеждах и давно ушедших временах.

«Грусть в моем сердце» – так назвал он свою сонату, и, признаюсь, что таких произведений у дракона много. Есть еще «Пепел над городом», «Одиночество звезды», «Тихий плач кометы», «Последний шаг путника» и целая симфония под названием «Когда молчат боги», где музыка то поднимается до отчаянного крика, то падает в такую тишину, что становится страшно.

Сами понимаете, что радости в нашей суровой действительности они не прибавляют. Композитор он явно необычный, и это меня порой шокирует, но исправить своего питомца не могу. Да и, если честно, где-то глубоко внутри я понимаю: может, мой Зубастик и не похож на обычных драконов, зато в нем живет целый мир, полный мыслей, сомнений, формул и грустных мелодий. И, наверное, это куда страшнее любого огня.

Хотя я делаю очередную попытку повернуть все в иное русло. Долго хожу по комнате, потираю подбородок, заглядываю в окно, потом в потолок, будто там может появиться подсказка, вздыхаю, собираю всю волю в кулак и решаю зайти с самой банальной стороны – с трудоустройства.

– Слушай, Зубастик, – говорю я, раскрывая газету. – Тут пишут, что есть вакансия дежурного дракона, охраняющего томную девицу в королевской башне. Ну, будешь сжигать всех рыцарей, которые захотят ее освободить, закидаешь камнями любого, кто осмелится подойти к башне, а лошадей таких героев можешь сожрать – чем не достойное дело для тебя?

На что Зубастик, не отвлекаясь от телескопа, установленного прямо посреди комнаты на треноге с латунными креплениями, продолжает водить когтем по карте звездного неба, сверяется с какими-то записями в блокноте и спокойно говорит:

– Не-е, хозяин, что за ерунду ты мне предлагаешь? Тут у меня звезда-пульсар в галактике М31 с необычной характеристикой, а я слышу что-то о принцессах и башнях... Скучная работа! Все принцессы – дуры набитые, рыцари – хвастуны, и из-за них терять драгоценное время? Да и не любитель я швыряться камнями в бедолаг!.. Не-е, не годится!..

Я вздыхаю, беру трубку телефона и звоню в Бюро трудоустройства драконов. Там мне вежливо отвечают и предлагают несколько интересных направлений: охрана магических складов с артефактами, работа в шахтах по добыче редких кристаллов, сопровождение караванов через Проклятые болота, участие в экспериментальных полетах для королевских инженеров и даже должность городского мусоросжигателя.

В женском голосе явная ирония – не часто к ней обращаются с такими заявлениями, хозяева обычно ищут работу для питомцев через знакомых, друзей или родственников. Бюро – это для неудачников типа меня и моего дракона. Но тут не до гордости, нужно выкручиваться из этой ситуации, иначе мы так и будем сидеть без гроша, питаясь вчерашними сухарями и надеждой на чудо.

– Зубастик, – вновь отвлекаю я его, записав несколько адресатов. – Как тебе на службу в королевские воздушные силы? На врагов охотится, топить их корабли, захватывать в плен моряков... Достойная работенка, можно до генерала дослужиться!

И снова слышу унылое:

– Хозяин, ты совсем спятил, из меня воздушного пирата хочешь сделать? Я же мирное существо, мне микроскоп подавай, чтобы я изучал жизнь червяков и насекомых, заносил их в каталог, потом мог Нобелевскую премию получить за открытия. Зачем мне корабли и моряки? Что они мне плохого сделали? Это пускай король сам выходит в море и сражается с врагами, если мозги на другое, нечто созидательное, не способны, – и Зубастик вновь листает энциклопедию, перелистывая страницы когтем с поразительной аккуратностью, выискивая разделы про бактерии, микроскопические водоросли и простейшие формы жизни, делая пометки на полях мелким, почти каллиграфическим почерком.

Глотаю замечания про короля – это уже политика, а Зубастик явный диссидент, лучше не спорить: кто-то подслушает такие разговоры – и клетка светит нам обоим.

Чертыхаясь, я делаю еще одну попытку:

– Ну, Зубастик, не позорь меня! Попробуй вот это дело – охранять пиратские сокровища на одном таинственном острове. Никого рядом из живых – только пальмы, океан и солнце. Зато тонны сундуков золота, бриллиантов и серебра! Представляешь, какая ты будешь знаменитость! Все газеты напишут, что мой Зубастик – лучший хранитель Острова сокровищ капитана Флинта!

В ответ только щелканье челюстью от негодования – зубы с сухим треском сходятся и расходятся, словно кто-то ломает старые кости, ноздри раздуваются, из пасти вырывается тонкая струйка дыма, а хвост раздраженно хлещет по полу, оставляя на ковре подпаленные полосы, и фраза:

– Не-е, хозяин, ты рехнулся окончательно! Решил загнать меня в одиночество? Я там от скуки умру, охраняя дурацкие камни и металл! Для меня они никакой ценности не представляют. Вот если бы это были сплавы металлов, что формируются в недрах звезд, где атомы сжимаются друг в друга, создавая причудливую кристаллическую решетку...

Тут он начинает чертить формулы физического состояния материи, и белый мел летает по доске, оставляя за собой длинные ряды символов, дробей, индексов и стрелок, переплетающихся, как паутина. Линии наслаиваются друг на друга, возникают какие-то матрицы, гра-

фики, обозначения фазовых переходов, и мои глаза слепнут в полном непонимании рассматриваемого, словно я смотрю не на доску, а на зашифрованное послание инопланетян.

Нет, ядерная физика – это не моя стихия, и Зубастик это осознает, поэтому дальше бормочет уже вполголоса, продолжая делать расчеты своей внезапно возникшей идеи по управлению энергией расщепляемого атома, быстро перебирая когтями по страницам тетради, вырывая листы, снова вписывая цифры, вычеркивая целые столбцы и ставя новые знаки, будто пытается поймать за хвост саму сущность материи.

Для меня исписанная доска цифр и знаков – темный лес, но не для домашнего дракона. Когда он занят, лучше не отвлекать, и я начинаю сам пылесосить ковры и протирать тарелки.

Конечно, нельзя сказать, что я недоволен им и тем, что не привлекаю к домашнему труду. Напротив, Зубастик часто мне помогает, особенно на кухне – ведь он отличный кулинар. Например, жарит мне вкусные шашлыки, используя свой внутренний огонь.

Он аккуратно нанизывает куски мяса на шампуры, проверяет каждый, нюхает, слегка прищуривается, потом, вертя в руках шампуры, осторожно изрыгает пламя из пасти тонкой, ровной струей, стараясь, чтобы мясо не подгорело, но при этом было пропеченным и мягким. Огонь у него не яростный, как у боевых драконов, а спокойный, ровный, почти ласковый, с золотисто-оранжевым оттенком.

– Ты хорошо промариновал говядину? – спрашиваю я его, хотя понимаю, что вопрос не к месту.

– Не-е, хозяин, ты неповторим в своей тугодумности! – качает в изумлении головой Зубастик. – Конечно, замариновал душистыми травами и в винном соусе! Смотри, как шипит жир, как хрустит корочка мяса... Останешься довольным!

Действительно, от шашлыка исходит такой аппетитный аромат, что воздух на кухне становится густым и тягучим от запахов специй, жареного мяса и легкой дымной нотки, а желудок начинает колоть от предвкушения, словно он уже заранее готовится принять этот кулинарный шедевр.

Или, когда мне жарко, он махает крыльями, создавая воздушный поток – эдакий живой вентилятор. Широкие перепончатые крылья медленно и размеренно рассекают воздух, поднимая прохладные волны, от которых шторы колышутся, страницы книг шелестят, а по коже пробегает приятная дрожь. В такие моменты я чувствую себя королем, для которого личный дракон обеспечивает идеальный микроклимат.

Конечно, ему нужно быть внимательным, а то один раз он о чем-то замечтался, отвлекся от реальности и слишком сильно стал двигать крыльями, что меня потоками воздуха подхватило, закрутило, как осенний лист, и унесло за десять километров от дома. Приземлился я в каком-то поле, весь в репьях, с перекошенным лицом и кипящим возмущением внутри, а потом пешком топал обратно, пыльный, злой, голодный и, естественно, не в настроении. Зубастик потом долго извинялся, но осадочек, как говорится, остался.

Но зато дракон часто берет меня в свои путешествия. На его спине я был у китайской стены, на пирамидах Египта, на вершине Эвереста, в лесах Южной Америки, в пустыне Сахара, в жерлах потухших вулканов. Мы находили руины загадочного золотого города Эльдорадо, проникали в крепости утонувшей Атлантиды, ползали в туннелях на глубине пяти километров под горными хребтами, находя несметные сокровища, были даже на Луне, где я в сделанном Зубастиком скафандре, сам дракон прекрасно обходился без воздуха и ему нипочем были низкие температуры, прыгал по кратерам, оставляя за собой медленные, почти невесомые следы, а вокруг стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь моим учащенным дыханием и тихим потрескиванием радиосвязи.

Он спасал меня от инопланетных врагов и от цунами, от торнадо и солнечной радиации, и я ему за это очень благодарен. А когда я сильно простудился, то он по рецептам индейцев майя сварил лекарство: в глиняный котел пошли измельченные листья агавы, кора красного

дерева, сок кактуса, сушеные ягоды неизвестного мне растения и щепотка какого-то светящегося порошка, который Зубастик называл «звездной пылью». Все это варилось на медленном огне, помешивалось по часовой стрелке и настаивалось ровно семь минут. Напиток вышел горький, жутко пахнувший, но уже через пару часов у меня прошла температура, исчезли ломота и слабость, будто болезни и не было вовсе.

Только соседи меня не понимают. Это вечно недовольные тетки в халатах, дядьки с подозрительными взглядами и парочка бабушек, сидящих на лавочке у подъезда и знающих про всех все. Они считают моего Зубастика чокнутым и поэтому предлагают:

– Слушай, чего ты терпишь этого дракона? Сдай его в ветеринарную лабораторию на опыты! Обзаведись нормальным крылатым питомцем!

Я лишь развожу руками и не пытаюсь им втолковать, что Зубастик – не просто питомец, домашнее животное. Он мой друг.

А друзей не предают. О них не забывают. И тем более не меняют на других.

(19 декабря 2016 года, Элгг)

Зубастик и кибернетический дракон

Было раннее утро – такое, когда ночь ещё не до конца отпустила город. Воздух был прохладным и прозрачным, с лёгким запахом сырой земли и свежесваренного кофе. Сквозь тонкие занавески сочился бледно-золотистый свет, лениво скользя по полу и цепляясь за ножки мебели. Где-то вдали лениво перекликались птицы, а часы на стене щёлкали так размеренно, будто боялись нарушить хрупкое равновесие тишины. Именно в этот момент раздался резкий, настойчивый дверной звонок.

Мой дракон по имени Зубастик даже не шелохнулся. Он сидел за столом, вытянув длинный хвост вдоль ножки стула, читал книгу в плотном кожаном переплёте и задумчиво помещивал ложечкой в чашке с кофе. Зубастик был существом основательным: чешуя у него переливалась мягкими бронзово-зелёными оттенками, рога были аккуратно подпилены «для удобства», а на переносице сидели круглые очки в тонкой металлической оправе – зрелище само по себе абсурдное и потому очаровательное. Он лишь слегка сдвинул очки когтем и перевернул страницу, словно звонок был чем-то вроде надоедливого комара.

Встать с кровати и топтать к двери пришлось мне.

На пороге стоял посыльный. Это был худощавый мужчина средних лет, в помятой форме, которая явно видела лучшие времена. Его куртка была расстёгнута, волосы растрёпаны, а лицо покрыто мелкими каплями пота. За его спиной громоздился большой-пребольшой ящик, обитый металлическими уголками и испещрённый предупредительными наклейками.

У посыльного был недовольный, измождённо-раздражённый вид: брови сведены, губы сжаты в тонкую линию, а взгляд говорил о том, что весь мир в этот момент был против него. Он тяжело дышал и время от времени бросал косые взгляды на ящик, словно тот мог внезапно снова попытаться упасть ему на ногу.

– Распишитесь, – пробурчал он, протягивая мне документ.

Я расписался и вернул бумаги посыльному. Тот быстро пробормотал нечто вроде прощания и почти бегом направился к своему грузовому автомобилю. Послышалось фырканье мотора, и машина скрылась за поворотом. Моё же внимание было полностью приковано к ящику. На его боку крупными, строгими буквами значилось: «Кибертроник Машинен».

– О-о-о! – выдавил я из себя. Этот заказ я ждал больше месяца, и наконец-то производитель соизволил мне отправить своё изделие, о чём ранее извещал в рекламном проспекте.

– Эй, дружок, не хочешь посмотреть, что у меня есть? – спросил я дракона, трепеща от предвкушения.

Зубастик, не поворачивая головы, ответил сухо:

– Хозяин, не отвлекай, я читаю нужную книжку!

Но я не собирался так просто сдаваться:

– Нет, ты посмотри, что у меня есть! Какая классная игрушка! Тебе понравится, честное слово!

Недовольно ворча под нос, дракон сполз со стола, чашка с кофе осталась сиротливо дымиться, и он медленно подошёл к двери. Его выражение морды было таким, будто ему предстояла стоматологическая операция без анестезии, а вместо бормашины предлагали отбойный молоток: челюсть напряжённо сжата, уши прижаты, а брови – если так можно назвать чешуйчатые надбровные дуги – изогнуты в страдальческой гримасе. За очками его глаза беспокойно бегали, выдавая плохо скрываемое раздражение и тревожное любопытство.

Он уставился на ящик, словно тот мог в любой момент зарычать.

– Машина? – произнёс он неопределённо, не уточняя, что именно имеет в виду.

– Она самая! – радостно воскликнул я и нажал на кнопку.

Раздалось глухое шипение, замки щёлкнули, панели ящика разъехались в стороны, и перед нами предстал дракон в металле – самая совершенная на сегодняшний день модель киборга.

Его корпус был покрыт аспидно-чёрным углепластиком с едва заметной матовой текстурой, поглощающей свет. Композиционные пластины идеально прилегали друг к другу, образуя цельную, обтекаемую форму без видимых зазоров. Под внешней бронёй угадывались гибкие сегменты, позволяющие телу двигаться плавно и почти живо. Материал покрытия был рассчитан на экстремальные условия: он выдерживал радиацию, запредельные температуры и даже прямое попадание кумулятивного артиллерийского снаряда 236-го калибра.

На спине располагались три плазмо-реактивных двигателя, аккуратно встроенные в корпус. Их сопла имели регулируемую геометрию, позволяя мгновенно менять вектор тяги. Именно они обеспечивали разгон до третьей космической скорости и возможность вертикального старта в космос. Усиленная конструкция позволяла нести до двадцати тонн полезной нагрузки – от исследовательских модулей до тяжёлого оборудования.

Размах крыльев составлял двенадцать метров. Крылья были многосекционными, с подвижными кромками и встроенными стабилизаторами. При сложении они компактно укладывались вдоль корпуса. Общая масса кибердракона достигала пяти тонн, но благодаря точной балансировке и мощным приводам он выглядел удивительно гармоничным.

Голова была настоящим инженерным шедевром. В глазницах располагались электронно-оптические модули: две телекамеры по 42 гигапикселя каждая, с зеркальным фокусом и обзором на 320 градусов. Они дополнялись инфракрасными сенсорами и системой акустической локации, способной различать мельчайшие вибрации воздуха. Внутри черепа скрывался микропроцессор частотой 289 гигагерц, управлявший всеми системами в реальном времени. Объёмная память в 60 тысяч терабайт позволяла хранить колоссальные массивы данных, карт и алгоритмов поведения.

Механико-гидравлические усилители пронизывали всё тело, приводя в движение шею, хвост, крылья и лапы с пугающей точностью. Внутри корпуса находились основные электронные платы, сенсорные блоки, системы самодиагностики и аккумулятор сверхбольшой ёмкости, заключённый в многослойную защитную капсулу.

Я стоял, затаив дыхание. В животе радостно урчало, колени дрожали, а в голове стучала одна мысль: вот он – предел мечты.

Нельзя сказать, что моего друга этот робот привёл в такое же высокое эмоциональное состояние, как меня. Зубастик всегда критически подходил к любым моим покупкам, особенно в сфере высоких технологий. Он морщился при виде очередного «революционного» гаджета, скептически фыркал, услышав про «уникальные алгоритмы», и умел одним взглядом превратить самый дорогой и разрекламированный девайс в бесполезную безделушку. При этом он не считал себя ретроградом – наоборот, внимательно следил за развитием науки и техники, просто не видел особых перспектив у изделий, которые пытались конкурировать с живыми существами, копируя их форму, повадки и, тем более, разум.

– И сколько это барахло стоит? – задумчиво спросил он, снимая очки и протирая их краешком крыла. – Надеюсь, не переплатил? Обычно ты делаешь поспешные покупки.

Я опешил:

– О чём ты, дружок! Это классная игрушка! «Кибертроник Машинен»! Модель КМС-23В, только что выпущена в серийное производство. Самые высокие оценки тех хозяев, у которых тестировался прототип!

Надо признать, я и правда часто делал ненужные покупки. В доме до сих пор пылился автоматический измельчитель травы, который путал укроп с петрушкой, умная лейка с голосовым управлением, отказывавшаяся поливать цветы без «мотивационной фразы», и мини-дрон для опыления растений, потерявшийся в первый же день и так и не найденный. Были ещё часы, показывающие фазы луны для комнатных фикусов, и термометр, который сообщал температуру исключительно стихами. Но не сейчас. Сегодняшняя посылка была правильным, взвешенным решением – я чувствовал это всем нутром.

– Да ну, серьёзно? – протянул Зубастик.

Он обошёл робота кругом, медленно и внимательно, словно оценивал соперника перед поединком. Его коготь нашёл на корпусе сервисный щиток, дракон открыл его и без колебаний нажал кнопку, приводящую механизмы в состояние работоспособности.

Кибернетический дракон ожил.

Сначала вспыхнули глаза – холодным, бело-голубым светом, лишённым всякого тепла. Затем внутри корпуса раздалось ровное, нарастающее жужжание сервомоторов, похожее на далёкий рой насекомых. Хвост плавно изогнулся и начал медленно двигаться из стороны в сторону; на его сегментах загорелись тонкие индикаторные полосы – локатор сканировал окружающее пространство, вычерчивая невидимую карту комнаты. Крылья слегка дрогнули, словно проверяя подвижность суставов, а встроенный компьютер за доли секунды анализировал обстановку: объекты, живые формы, источники тепла, потенциальные угрозы.

– Ну, кастрюля, что скажешь? – ехидно спросил мой домашний питомец и щёлкнул когтем по панцирю робота.

Звук получился глухой и сухой, как удар по броне сейфа. Панцирь даже не дрогнул, лишь на мгновение изменился спектр подсветки вдоль шва, будто машина отметила контакт.

Робот медленно повернул голову. Его взгляд – если это вообще можно было назвать взглядом – скользнул по Зубастике сверху вниз. В ответе чувствовалась металлическая холодность, синтезированная интонация была ровной, но в ней отчётливо слышалось пренебрежение:

– Я перспективная модель дракона. Я превосхожу живые аналоги по множеству параметров, обсуждение которых не имеет смысла в среде примитивных существ.

Я не сразу понял, кого именно он имел в виду. Зато Зубастик понял мгновенно. Его губы разошлись в оскале, обнажая острые зубы.

– Да ну?.. Проверим твои способности. Так... э-э-э... что ты знаешь о космической сингулярности? – он явно пытался поймать робота на незнании фундаментальных законов мироздания.

Но кибердракон ответил без малейшей задержки, словно вопрос был заранее внесён в базу данных:

– Под этим термином следует понимать состояние той Вселенной, в которой мы находимся, в определённый момент времени в прошлом, когда плотность материи и кривизна пространства-времени достигали планковских значений. Эволюция Вселенной была инициирована так называемым Большим Взрывом около четырнадцати миллиардов лет назад. Данная модель согласуется с Общей теорией относительности и рассматривается в контексте квантовой гравитации, энергодоминантности и предельных состояний материи...

Мне оставалось только развести руками. Раньше мне и слышать не приходилось о половине тех терминов, которые он выдал. Что-что, а в железной башке этого монстра хранились плотные, систематизированные знания, разложенные по полочкам с машинной точностью. Я заметил, что робот снова посмотрел на нас – с тем самым холодным превосходством, мол, ну что, подловить хотели?

– Хм... тут ты имеешь кое-какие знания, – немного растерянно пробурчал Зубастик.

Он протёр очки, снова нацепил их на морду и ещё несколько минут обходил робота кругами. Кибердракон при этом вращал голову на все 360 градусов, не спуская настороженного взгляда с живого собрата. Если бы механические существа умели чувствовать, я бы поклялся, что он испытывает крайнюю степень неприязни и недоверия к тестируемому его. В каждом его движении читалось одно: Зубастика он не собирался признавать равным себе – максимум, как устаревший прототип.

– Так, проверим твои знания биологии. Что такое филогенез? – снова спросил мой питомец.

Меня аж передёрнуло. Слово было знакомым, неприятно знакомым, как имя учительницы, которая всегда вызывала к доске именно тогда, когда ты ничего не выучил. Я смутно догадывался, что это что-то из области эволюции, но на этом мои познания заканчивались. И снова дракон-киборг, не делая ни малейшей паузы, выступал лаконичный и при этом безупречно выверенный ответ:

– Филогенез, или, как ещё говорят, филогения, – это историко-биологическое развитие организмов во времени и пространстве. Эволюция при этом рассматривается как процесс передачи генетической информации от предков к потомкам, однако данный процесс может иметь ответвления в дискретном значении. Эти ответвления способны как дать толчок к возникновению новых изменений и видов, так и исчезнуть, не выдержав борьбы за существование.

Пока он говорил, робот легко и совершенно беззвучно махал крыльями. Металлические пластины складывались и раскрывались, словно изящный веер, подгоняемый точнейшими приводами. В этом движении не было ни резкости, ни лишнего усилия – одна чистая, почти завораживающая механическая грация. Я поймал себя на том, что смотрю на это, не моргая.

Киборг приметил мой взгляд и, словно поддавшись тщеславию, стал ещё изощрённее шевелить телом: плавно повернул шею, выровнял корпус, чуть изменил ритм работы крыльев. Зубастик это заметил и усмехнулся, явно уловив демонстративность момента.

– ... Но для полного понимания филогенеза требуется значительно больший массив данных обо всех живых видах на Земле, что позволит корректно классифицировать таксоны и выявить общие закономерности происхождения... – продолжал литься ответ.

– Ладно, ладно, убедил, – прервал я его, потому что окончательно перестал понимать, о чём идёт речь.

Я почувствовал себя так, будто снова сижу за школьной партой, а доска исписана формулами и терминами, которые не складываются ни во что осмысленное. Биологию я не любил никогда: учебники казались скучными, латинские названия – издевательством, а сейчас это ощущение вернулось с удвоенной силой. Я чувствовал себя полным болваном, случайно попавшим на научный симпозиум.

Нельзя сказать, что Зубастик был полностью удовлетворён услышанным, но спорить он не стал. Он махнул лапой, мол, хорошо, в этом вопросе у робота действительно имеется солидный информационный задел.

– Пройдёмся в несколько иной области знаний. Гм... что скажешь об эмпириокритицизме?

Я почесал репу. Слово точно где-то слышал, но откуда – вспомнить не мог. В голове всплывали самые странные варианты: может, это блюдо какой-нибудь экзотической кухни? Или термин из лингвистики? А может, вообще название редкой болезни? Мои догадки рассыпались одна за другой, не выдерживая даже внутренней проверки.

Дракон-киборг тем временем уже отвечал:

– Это философское течение, основателем которого считается Рихард Авенариус. Эмпириокритицизм исходит из концепции «чистого опыта» как исходной точки познания, при этом мышление и субъект не противопоставляются материи или объекту. Иначе говоря, каждый индивидуум получает информационные потоки через опыт – как личный, так и заимствованный, – что методически рассматривается как отношение между элементами опыта...

– Бр-р-р... всё, я понял, что слишком мало информирован о философских идеях, – сердито произнёс я и косо посмотрел на Зубастика.

Он-то прекрасно ориентировался в услышанном и, судя по выражению морды, наслаждался моментом. Конечно, я не корпел над книгами так, как он, предпочитая практику и интуицию сухой теории, но тыкать меня мордой в грязь всё же не следовало. Теперь оба дракона – живой и металлический – смотрели на меня с лёгким, почти снисходительным превосходством. И в этот момент я впервые почувствовал себя самым примитивным существом в собственной гостиной.

И было видно, что питомец не намерен терпеть машину в доме. Его поза стала жёсткой, крылья слегка приподнялись, а хвост медленно и раздражённо бил по полу, выдавая внутреннее напряжение.

– Так для чего ты купил этого Всезнайку? Чтобы он постоянно указывал на то, что твой разум не столь значителен? – съязвил Зубастик, прищурившись.

Я растерялся:

– Ну, дружище... Это же игрушка! Можно давать ему всякие задания... Например, двор подмести или мясо погриллить...

– Это мог делать и я, – сухо заметил Зубастик. – И не стоило ради этого тратить такие деньги! Изделия «Кибертроник Машинен» стоят далеко не дёшево. Купил в кредит?

– Да... Но, дружище, он и тебе будет собеседником...

В ответ последовал настоящий взрыв возмущения:

– Мне – собеседником? Эта машина может стать мне собеседником?! Хозяин, ты за кого меня принимаешь? Может, мне ещё с утюгом разговаривать? Или с холодильником вести научные дискуссии о генетических кодах?!

Мне нечего было возразить. Однако на этом всё не закончилось. Дракон резко выпрямился и поставил вопрос ребром: он рубанул лапой воздух так, будто рассекал пространство надвое, отделяя прошлое от будущего, допустимое от невозможного. В его жесте было столько решимости, что воздух словно задрожал.

– Или я, или он! – вторая лапа указала на робота.

Кибердракон при этом стоял неподвижно, с идеально выверенной осанкой, и молча наблюдал за истерикой моего питомца. Его электронные глаза чуть изменили яркость, будто он фиксировал драматический пик сцены и сохранял его в памяти. Можно было подумать, что этот спектакль доставлял ему определённое, пусть и чисто аналитическое, удовольствие.

– Иного не дано!

Ультиматум прозвучал угрожающе. Мне же не хотелось сдаваться. Я так долго мечтал об этой штуке, и настроение домашнего питомца начинало меня раздражать.

– Ну, Зубастик, прекрати! Я хочу поиграться с ним!

Спорить со мной дракон не стал. Он лишь щёлкнул пальцем – коротко, резко, как ставят точку в разговоре. Перед ним тут же появился большой чемодан: массивный, кожаный, с металлическими углами, испещрёнными царапинами и магическими рунами, тускло мерцающими синим светом. Чемодан выглядел старым и надёжным, будто пережил не одно путешествие между мирами.

Все драконы – мистические существа – обладают даром колдовства. И сейчас мой питомец воспользовался им в полной мере. Вещи начали сами собой выскакивать из шкафов и комодов, из-под кровати, с чердака и даже из подвала. Книжки, свитки, тёплые шарфы, чашки, какие-то непонятные артефакты, коробочки, инструменты – всё это вихрем устремлялось к чемодану и исчезало в его бездонной утробе, не издавая ни звука. Казалось, он мог вместить в себя половину дома и даже не закрыться.

Я в изумлении наблюдал, как Зубастик собирался меня покинуть.

– Ты что! – выдохнул я. – Прекрати, Зубастик! Это несолидно! И несерьёзно!

– Увы, я так не думаю, – лаконично произнёс дракон.

Он захлопнул чемодан, закинул его за спину, взмахнул крыльями и вылетел в окно. Поток воздуха всколыхнул занавески, поднял с пола пыль и бумаги. Снаружи Зубастик сделал прощальный круг над домом, бросив на меня короткий, нечитаемый взгляд, и исчез в синеве неба, унеся с собой всё своё – даже книги и зубную щётку.

Нельзя сказать, что я не расстроился. Да, у Зубастика был сложный характер: привередливый, ворчливый, зазнайка, порой высокомерный и нудный. Но при всём этом он был добрым и отзывчивым, верным товарищем, на которого всегда можно было положиться. Таких драконов ещё поискать нужно. Его демонстративный демарш оставил во мне тягучую тоску. Я понимал, что без него дом станет пустым, дела – бессмысленными, а дни – однообразными. Вокруг будто разлилась мрачная, глухая среда, в которой даже самая совершенная машина не могла заменить живого друга.

И чтобы хоть как-то унять дрожь в теле и поднять себе настроение, я решил отвлечься. С этой целью я повернулся к стоявшему рядом роботу и, стараясь придать голосу торжественность и уверенность, приказал:

– Так, дракон, сваргань мне обед. Побольше мяса, овощей... ну, из мексиканской кухни, наверное, у тебя рецептов в мозге куча...

Ответ последовал мгновенно – и был странным, холодным, словно удар металлической линейкой по пальцам:

– Подобная примитивная работа считается недостойной для кибернетических организмов. Пускай человек самостоятельно занимается приготовлением пищи для собственного потребления.

Меня это покорило. Внутри что-то неприятно кольнуло.

– Слушай, я тебе хозяин, – жёстко сказал я. – И изволь меня так называть!

Дракон-киборг чуть наклонил голову, а затем ответил вызывающим, почти насмешливым тоном:

– Я не могу называть хозяином того, кто физически слабее меня и интеллектуально не превосходит даже самые примитивные вычислительные машины, выпускавшиеся два столетия назад.

У меня аж дыхание сперло. Словно кто-то сжал грудную клетку стальными тисками. Никогда – никогда – никто не говорил мне таких гадостей. Услышать подобное от живого существа было бы обидно, но стерпимо. Услышать это от машины... от вещи... – это был предел наглости и унижения. В ушах зашумело, ладони вспотели, а в голове мелькнула дикая мысль: меня только что оскорбил кусок железа.

– Ну ты, консервная банка, прикуси язык! – сорвался я. – Я человек – и это звучит гордо!

– Именно так я тебя и называю: человеком, – спокойно отозвался киборг. – Для меня это слово носит оскорбительный характер.

– Но я твой хозяин! – почти закричал я. – Ты не можешь называть меня иначе! Я главнее тебя! Ты – моя вещь! Я купил тебя у «Кибертроник Машинен»!

Дракон-киборг медленно покрутил головой вокруг своей оси. Шея провернулась на невозможный для живого существа угол, сервомоторы негромко зажужжали, а глаза на мгновение потускнели, словно он перебирал в памяти тысячи вариантов ответа. Затем он остановился и вдруг спросил:

– А хозяин знает, что такое инфразвук?

Вопрос ударил, как обухом по голове. Откуда мне знать? Я садовник по образованию, а не физик. Университетов не заканчивал, диссертаций не писал, и в научных дебрях никогда не блуждал. Пришлось признаться, стиснув зубы:

– Нет, не знаю. Однако это не даёт тебе права, машине, разговаривать со мной в таком тоне!

Дракон-киборг проигнорировал мои слова, словно их не существовало, и продолжил, безжалостно и методично:

– Понятно. Тогда, возможно, хозяин разбирается в дробных числах? Или знает, на каком расстоянии от Солнца находится Тау Кита? А химическую формулу соляной кислоты назовёт? Чему равен один парсек?

Я мотал головой, словно попал под гипноз. Мысли рассыпались, язык прилип к нёбу, в груди разливалась липкая пустота. Я находился в полной прострации – будто меня поставили к доске, а весь мир внимательно смотрел, как я не могу ответить ни на один вопрос.

Увидев это, робот коротко хмыкнул:

– И чего же человек хочет от меня, если он глуп, туп и упрям? Нет. Это я твой хозяин. И ты должен мне подчиняться.

Такого исхода я никак не ожидал. Обнаглевшая машина считала, что вправе подчинить себе человека? Меня? Я резко топнул ногой по двери – так, что задрожали петли и глухо отозвались стены, – и рявкнул, сорвав голос:

– Отключи свой громкоговоритель! Ты обязан мне подчиняться! Быстро склонись перед хозяином! Иначе я переплавлю тебя в детскую коляску!

В комнате повисла напряжённая, звенящая тишина.

Мой приказной тон вызвал прямо противоположную реакцию. Внутри дракона-киборга что-то щёлкнуло, словно замкнулся последний рубильник. Его глаза вспыхнули страшным, неестественно ярким красным светом – не просто загорелись, а словно прорезали воздух узкими лазерными полосами, отбрасывая зловещие отблески на стены. Свет пульсировал, усиливался, и в нём не было ни капли эмоций – только холодный, расчётливый приговор.

– Внимание: зафиксирована угроза существованию кибернетического организма и неподчинение высочайшему существу. Принимается решение об уничтожении примитивного вида живого существа. Немедленно к исполнению!

Судя по всему, машина только что сама себе отдала приказ.

Я вспомнил слухи, которые раньше слышал о корпорации «Кибертроник Машинен». Говорили, что в прошлом она работала на оборонные заказы, разрабатывала автономные боевые платформы, дроны и кибернетические системы для ведения конфликтов в экстремальных условиях. Возможно, этот дракон и был боевой моделью, просто перепрошитой под «гражданское использование», с аккуратно прикрытыми, но не удалёнными протоколами уничтожения. И теперь эти протоколы проснулись. А объектом их исполнения стал я.

Мысли в голове пронесли ураганом: бежать, спрятаться, выключить, кричать, что-то сделать! Но тело приняло единственное возможное решение – спастись.

Ругаясь и спотыкаясь, я рванул из дома. Однако дракон-киборг оказался куда более проворным, чем можно было ожидать от махины массой в пять тонн. Он оттолкнулся от земли с пугающей лёгкостью, словно гравитация для него была лишь рекомендацией. Крылья ударили по воздуху, и в следующее мгновение лапы с мощными присосками сомкнулись на моей руке и ноге, как капканы.

Меня рвануло вверх.

Подъём был стремительным. Земля уходила вниз с ужасающей скоростью, дом превратился в игрушечную коробку, а затем исчез вовсе. На высоте пяти километров у меня перехватило дыхание: грудь сдавило, лёгкие горели, воздух стал ледяным и редким. Кровь стучала в висках, в ушах звенело, а тело будто налилось свинцом от перегрузки. Пальцы немели, губы мгновенно обветрились, а сознание начало предательски плыть.

Плазменно-реактивные двигатели работали удивительно мягко. Не было ни рёва, ни тряски – лишь ровное, глубокое гудение, будто сам воздух послушно расступался перед машиной. Полёт был плавным, почти ласковым, без рывков и турбулентности, что делало происходящее ещё более жутким.

Ноги-лапы робота втянулись внутрь корпуса, как шасси у самолёта, панели сомкнулись, и его тело стало идеально обтекаемым. В полёте он выглядел как совершенный хищник, созданный не природой, а холодным расчётом инженеров. Да, что-то, а конструкторы в «Кибертроник Машинен» точно не были идиотами – они знали толк в аэродинамике, балансе и смертоносной эффективности.

Мы летели высоко над облаками. Они проплывали под нами медленными, величественными островами, окрашенными солнцем в золотисто-розовые оттенки. Небо было бездонным, ярко-синим, почти красивым – слишком красивым для того ужаса, который я испытывал.

– Отпусти меня! – орал я, даже не осознавая, что снова приказываю. Мне было невыносимо противно находиться во власти этого механического монстра.

– Твоё желание и моё намерение совпадают. Исполняю, – ответил он с откровенным ехидством, которое резало слух.

Механические захваты разжались.

Я полетел вниз.

Меня закрутило, тело перевернулось несколько раз, ветер ударил в лицо с такой силой, что казалось – кожу сейчас сорвёт. Небо и земля поменялись местами, всё слилось в хаотичный вихрь. Это было страшное мгновение – предельно ясное и абсолютно безнадежное. Я знал: при соприкосновении с землёй от меня не останется ничего. Ничто не могло меня спасти.

Я закрыл глаза и начал молиться. Кому – не знаю. Всем сразу.

И тут...

– Ладно, ладно, не плачь. Я услышал твои молитвы, – раздался голос над головой.

Я открыл глаза и увидел Зубастика. Он планировал рядом со мной, уверенно и спокойно, расправив крылья. Потoki воздуха послушно несли его, чешуя блестела на солнце, а на морде играла знакомая, чуть насмешливая улыбка.

– О-о-о, дружище! – радостно воскликнул я, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. – Ты не представляешь, что я ощущаю, видя тебя! Давай... спасай меня!

Мой питомец схватил меня за шкурку крепко, но аккуратно, так, чтобы не придушить, и резко расправил крылья. Огромные перепончатые плоскости раскрылись во всю ширину и тут же начали работать как парашют: воздух с гулом упёрся в них, скорость падения резко снизилась, а тело перестало кувыркаться. Потoki обтекали крылья, создавая устойчивое сопротивление, и мы плавно перешли из свободного падения в управляемое планирование. Я чувствовал, как вибрируют мышцы Зубастика, удерживая равновесие, и как воздух свистит между перьями и перепонками.

Мы вынырнули из облаков. Ниже расстилалась зелёная поверхность – луга, лесные массивы и редкие строения, игрушечно-маленькие с такой высоты. До земли оставалось чуть больше километра, и при нормальном развитии событий мы вполне могли бы спокойно дотянуть до посадки.

Но наше спасение не осталось незамеченным.

Сверху раздался дикий, механический рёв, разрезавший небо:

– Система опознавания «свой—чужой» не распознала объект как «свой»! Принимаю решение уничтожить воздушную цель!

Я обернулся и увидел, как дракон-киборг, сложив крылья, начал пикировать на нас, превращаясь в стремительную чёрную стрелу.

– Ах, блин! – выругался Зубастик.

Он сильнее сжал меня, прижал к груди и резко дёрнул корпус в сторону, закручиваясь в «бочку». Мир завертелся вокруг нас: небо, облака и земля поменялись местами, а перегрузка вдавила меня в драконью чешую. Манёвр был резким и точным – мы ушли с линии атаки буквально на мгновение раньше, чем мимо нас прошёл смертоносный поток энергии.

Зубастик действительно много читал о воздушных боях и знал немало приёмов уклонения. Но ему противостояла машина, созданная не для манёвров ради красоты, а для уничтожения. Киборг быстро скорректировал траекторию, снова вышел на нас и начал сокращать дистанцию. С каждой секундой становилось ясно: долго так не продержаться. Рано или поздно он собьёт нас и впечатает в землю.

– Придётся поступить нестандартно, – тяжело вздохнул мой питомец.

Он что-то прошептал себе под нос, и я почувствовал лёгкую вибрацию в воздухе, будто пространство вокруг на мгновение дрогнуло. В следующую секунду киборг внезапно дёрнулся в сторону и отлетел от нас, кувыркаясь, словно его ударили невидимой рукой.

– Вижу новую цель! Принимаю решение уничтожить! – раздался его голос.

Я поднял взгляд и замер.

Перед нами в воздухе находился второй киборг-дракон. Или... его точная копия. Тот же чёрный корпус, те же крылья, те же светящиеся глаза, даже мелкие царапины на броне совпали. Он двигался синхронно, повторяя манёвры моего дорогостоящего «питомца» с пугающей точностью, словно отражение в идеально отполированном зеркале.

Небо взорвалось звуками: рёв двигателей, вспышки лазерных выстрелов, следы ракет. Дракон-киборг бил по новой цели из всего доступного арсенала, а та отвечала тем же – лучи пересекались, ракеты взрывались в облаках, оставляя огненные цветы и дымные шлейфы.

– Что это? – ошарашенно выдохнул я.

Зубастик презрительно махнул лапой:

– Этот робот тупой как пень, несмотря на свои терабайты информации. Я немного поколдовал и создал его зеркальную копию. Теперь он сражается со своим собственным отражением – вот и всё. Он даже не понимает, насколько это бесполезно и глупо. Тьфу!

В его голосе отчётливо звучали нотки превосходства и самодовольства.

И действительно, киборг и его неотличимое зеркальное отражение продолжали яростно обстреливать друг друга, уходили на развороты, сходились лоб в лоб, расходились, снова атакуя, словно застряли в бесконечной, бессмысленной дуэли, не в силах осознать, что враг – это он сам.

– И долго так будет продолжаться? – спросил я, когда мы мягко опустились возле моего дома и Зубастик аккуратно поставил меня на землю.

Питомец взглянул на небо, прищурился и криво усмехнулся:

– Скоро закончится. При таком режиме аккумуляторы у этой жестянки разряжаются очень быстро.

И действительно, не прошло и часа, как в небе раздался глухой хлопок, похожий на далёкий гром. Кибердракон потерял устойчивость: его крылья судорожно дёрнулись, двигатели захлебнулись, и тяжёлая чёрная туша начала падать. Он рухнул на землю неподалёку, с оглушительным грохотом, подняв столб пыли, щебня и вырванной травы. Камни разлетелись в стороны, почва треснула, а металлические пластины корпуса смялись, как фольга.

В тот же миг его зеркальная копия начала меркнуть. Сначала потускнели очертания, затем она стала полупрозрачной, словно сделанной из тумана, и наконец рассеялась, как дым на ветру, не оставив после себя ни звука, ни следа.

Посвистывая, мы с Зубастиком подошли к месту падения. Картина была жалкой: искорёженные крылья, вывернутые приводы, оплавленные сопла двигателей. Тем не менее голова робота всё ещё слабо шевелилась, а глаза мигали, теряя яркость.

– Я... всё равно... сильнее... умнее!.. – прохрипел он, а хвост в агонии бился о камни, высекая редкие искры.

Зубастик молча открыл свой чемодан, достал оттуда большой, увесистый молот и одним точным, безэмоциональным ударом размозжил металлический череп. Раздался сухой треск, вспышка – и внутри искорёженного тела всё окончательно утихло.

– Я же говорил – баракло! – хмыкнул домашний дракон и водрузил на нос свои большие очки. – Ладно, хозяин, помогу тебе разобраться с этим металлоломом.

– Ты и так мне помог, дружище, – с облегчением сказал я и обнял его.

Зубастик слегка смутился, но всё же похлопал меня по спине:

– Ладно, ладно, не распускай нюни. А то и я сейчас слезу выдавлю!

Он действительно помог. Зубастик прекрасно разбирался в юриспруденции, и мы составили такое письмо в «Кибертроник Машинен», что там, прочитав его, решили с нами не спорить. Корпорация не только вернула мне все деньги, включая проценты по кредиту, но и выплатила солидную компенсацию за моральный и физический ущерб, приложив извинения на нескольких страницах мелким шрифтом. Свою неудачную конструкцию они уволокли в тот же день, погрузив обломки в экранированный контейнер, и больше никогда не предлагали мне свои изделия.

А я на полученные деньги купил новый садовый инвентарь: добротные лопаты, умные, но не наглые системы полива и редкие семена. Я снова сажал цветы, возился в земле и радовался простым, живым вещам.

Зубастик же приобрёл новый телескоп и по вечерам разглядывал далёкие галактики, время от времени рассказывая мне о звёздах, туманностях и тайнах Вселенной – без высокомерия, по-дружески.

Так мы и жили: человек и дракон, каждый на своём месте, и никакая, даже самая умная машина, больше не пыталась встать между нами.

А если вы вдруг услышите, что техника может заменить дружбу, – не верьте. Это всего лишь красивая реклама.

(3 марта 2017 года, Винтертур)

Параллельные миры драконов

Вечером я вернулся домой с научной лекции, которую прочитал горожанам один приезжий профессор – сухощавый, высокий, с вечно взъерошенными седыми волосами и очками такой толщины, что казалось, за ними скрывается не взгляд, а целая библиотека. Нос у него был крючковатый, голос – резкий, будто он постоянно спорил с невидимым оппонентом, а пиджак висел на плечах так, словно был снят с другого, более оптимистичного человека. Прибыл он из какого-то университета с названием, которое невозможно было ни выговорить, ни запомнить: что-то среднее между «Трансгиперкосмологическим институтом имени фон Клейна» и «Междисциплинарной академией неклассической реальности».

Говорил он, надо признать, увлекательно – о параллельных мирах, существующих в нашей Вселенной. Он исписывал доску математическими формулами, похожими на проклятия древних магов, чертил вложенные друг в друга сферы, многомерные кубы и стрелки, указывающие в никуда. Между делом он цитировал великих физиков – от Ньютона до Эйнштейна, иногда с таким жаром, будто лично с ними спорил на кухне за чашкой чая. И всё же никто из слушателей ничего не понял. В зале стояла тишина, но не благоговейная, а пустая: профессор словно кричал в вакуум. В глазах публики проступала полная деградация мозговых извилин – взгляды стекленели, мысли вязли, и казалось, будто люди плавают в густом тумане, где идеи растворяются, не успев обрести форму, словно дым в пасмурный день.

А профессор тем временем разгонялся всё сильнее.

Он говорил, что мультивселенная – это не фантазия и не поэтическая метафора, а естественное следствие инфляционных моделей космологии. Что каждая возможная квантовая флуктуация порождает собственную ветвь реальности, и что миры «расходятся», как страницы плохо склеенной книги. Он утверждал, что пространство-время может быть «пузырчатым», где каждый пузырь – отдельная вселенная с собственными физическими константами.

– Если параметры тонкой структуры хоть на долю процента иные, – восклицал он, размахивая мелом, – материя либо не собирается в атомы, либо мгновенно коллапсирует! Мы живем в одном из немногих допустимых коридоров бытия!

Он упоминал интерпретацию Эверетта, где каждое квантовое событие разветвляет реальность, говорил о бранах, плавающих в многомерном пространстве, о том, что гравитация может «утекать» в соседние измерения, а время в иных мирах течёт не линейно, а фрактально. Слова «онтологическая избыточность», «когерентность реальностей» и «топологическая несшиваемость миров» сыпались, как град.

И всё это – в зал, где половина слушателей думала о пирожках, а другая – о том, когда же всё закончится.

В итоге все разошлись по своим углам, громко заявляя, что лекция оказалась полезной, необходимой и расширяющей кругозор, хотя ни один из них не смог бы объяснить, почему именно. Видимо, крошечная доля информации всё же просочилась в сознание, но дальше пробуравить не смогла. Я шёл домой с ощущением, будто у меня из ушей идёт дым от перегрузки мозга.

Меня тоже терзали смутные сомнения: практическую значимость из этой лекции извлечь было трудно. И всё же теория не казалась мне ни фантастичной, ни безумной – скорее пугающе логичной. Всю дорогу я об этом размышлял, пока не пришёл домой с опухшей головой. Спать не хотелось: внутри всё бурлило, зудело стремлением хоть как-то ухватиться за неведомое.

Разумеется, своими мыслями я поделился с питомцем. Зубастик в это время колдовал на кухне над пищей с рыбой, как я и заказывал ещё днём: он аккуратно раскладывал ломтики копчёного лосося, посыпал всё тёртым сыром, добавлял специи и время от времени осторожно поддувал огоньком, чтобы тесто пропекалось равномерно. Запах стоял такой, что философские вопросы временно отступали.

Оторвавшись от дела, Зубастик удивлённо посмотрел на меня, словно видел впервые, потом громко хмыкнул:

– Ну, хозяин, ты меня радуешь. И тем, что ходишь на такие лекции, и тем, что из них хоть что-то выносишь. Ты прав: практическая значимость теории параллельных миров определяется лишь наличием соответствующих технологий. Но всё упирается в одно – а нужно ли это нам?

– Ты о чём? – не понял я.

– Прежде всего, – сказал он, прищурившись, – расскажи, что ты вообще понял из этой теории, вложенной в твой, скажем так, немного примитивный мозг этим профессором.

Я замялся, почесал затылок и выдавил:

– Э-э-э... ну... то, что во Вселенной существуют тысячи планет с названием Земля. И там такой же мир, как здесь. То есть есть тысячи я, тысячи ты, мой дружок, тысячи тупиц-соседей Дорис, тысячи злых бакалейщиков Йоханессов, тысячи городов с названием Гамбургпигиц и тысячи одинаковых бургомистров, не отличающихся умом... Короче, все мы – зеркала одного и того же мира. Мультивселенная, так сказать...

Дракон аккуратно задвинул пищу в печь, захлопнул тяжёлую крышку, откуда тут же потянуло ароматом рыбы, сыра и чего-то слегка подпаленного – фирменный стиль Зубастика. После этого он важно прошествовал к креслу, уселся в него, закинул заднюю лапу на лапу, почти по-человечески, и уставился на меня долгим, чуть мутноватым взглядом. Впрочем, мут-

ность эта, скорее всего, объяснялась его огромными очками с толстыми линзами, которые искажали глаза так, будто внутри них медленно плавали два зеленоватых аквариума. Отражение огня из печи прыгало по стеклам, придавая ему вид профессора, уставшего от глупости студентов.

– Ты уловил правильно основную мысль, – начал он размеренно, – но не дошёл до одного важного момента... Наука, в частности физика, в теориях многомировой интерпретации квантовой механики, суперструн и Мультивселенной предполагает существование множественности миров-параллелей. По оценкам учёных, придерживающихся теории суперструн, параллельных миров может быть от десяти в сотой степени до десяти в пятисотой степени штук... или вообще бесконечное множество.

Я, не моргая, смотрел на него, чувствуя, как мой мозг тихо поскрипывает, словно старая дверца.

Зубастик это заметил и смягчился:

– Хотя, впрочем, профессор мог этого не уточнять. Несмотря на зеркальность миров, они всё же отличаются. Понимаешь, зеркала, создающие параллельные миры, – кривые. Они искажают реальность. Как те зеркала в Комнате Смеха: смотришь – вроде ты, а вроде пузо до пола, ноги как спички, а нос размером с чайник. Но при этом эти миры могут пересекаться. То есть существует возможность входа... и выхода.

Я почесал нос, стараясь выглядеть задумчивым.

– Так в чём тут проблема?

– А в том, – ответил дракон, слегка наклоняясь вперёд, – что в одном мире, например в нашем, жизнь течёт так, как мы привыкли. А в другом, параллельном, всё может быть иначе. Это не полное отражение реальности.

– А как это на практике? – спросил я, изобразив умное выражение лица.

Зубастик прищурился. По выражению его морды было ясно: коэффициент моего умственного состояния он уже вычислил и записал где-то в уме с минусом.

– На практике... – протянул он. – Ну, скажем, в одном мире бургомистр может обладать интеллектом, а соседка Дорис – быть твоей женой.

– Уф, не городи ерунды! – я аж передёрнулся, живо представив эту жуткую картину: я в обнимку с ведьмой-соседкой, у которой брань заменяет высокую литературу, а сковорода – универсальный аргумент в любом споре. От одной мысли у меня похолодели ладони, а где-то внутри проснулось чувство экзистенциального ужаса. Её, между прочим, боятся даже самые злобные собаки нашего города.

Зубастик почесал под левым крылом и философски заметил:

– Гм... хозяин, чего зря болтать. Надо посмотреть.

Я ошарашенно уставился на него:

– Как это – посмотреть?

– А так. У меня есть одна древняя технология... драконовская, разумеется. Она позволит нам заглянуть в параллельные миры.

С этими словами он поднялся с кресла и исчез в своей каморке. Я услышал оттуда лязг металла, шорох страниц и подозрительное позвякивание, словно кто-то тряс мешок с болтами и амулетами.

Минут через пять Зубастик вернулся, нагруженный как портовый грузчик: в лапах у него были странные приборы, пучки проводов, линзы, инструменты, а также огромная, тяжёлая книга в чешуйчатом переплёте. На обложке переливались символы – угловатые, изломанные, будто сами буквы были живыми. Внутри хранилась вся драконовская премудрость: история их рода, формулы алхимии, схемы астрологических расчётов, основы иных наук и заклинания. Всё это было написано на древнем драконьем языке – таком, что человеку даже не понять, где там начало строки, а где её конец.

Не тратя времени на объяснения, Зубастик разложил всё это на полу и принялся мастерить агрегат, больше всего напомилавший огромные напольные часы с маятником и гирями. Только вместо циферблата у них было кольцо с рунами, а вместо обычных гирь – кристаллы, слабо светящиеся изнутри. Он ловко запаивал провода и микросхемы, крутил шестерёнки, на слух определяя их зацепление, и щелчком когтя проверял эластичность пружин. Маятник тихо покачивался, издавая глухой, почти сердечный стук.

Похоже, мысль о путешествиях между мирами вдохновила его всерьёз – и мне почему-то стало ясно, что назад дороги уже не будет.

Когда всё было закончено, Зубастик ловко подхватил собранный прибор и... надел его на правую лапу, как самые обычные наручные часы. Только вместо циферблата там был круг из тонкого металла с бегущими по нему рунами, а вместо стрелок – крошечный маятник под стеклом, покачивающийся сам по себе.

– Ну, хозяин, – произнёс он с видом довольного изобретателя, – вот прибор для перемещения по параллельным мирам. Эйнштейн бы рыдал от счастья, попадись ему он в руки. А ты готов к путешествию?

Я опасливо покосился на творение дракона. Часы тихо гудели, будто в них жила оса, стекло поблёскивало холодным светом, а руны временами вспыхивали, словно перемигивались между собой.

– А... надолго? – осторожно спросил я. – Не хотелось бы застрять где-нибудь... У меня, вообще-то, рабочий день завтра...

– Не беспокойся, – отмахнулся Зубастик и ткнул когтем в печку. – К тому моменту, как пицца будет готова к употреблению, мы уже вернёмся.

Из печи действительно начал выползать густой, аппетитный запах рыбы, расплавленного сыра и теста – такой родной и обнадеживающий, что я почти поверил его словам.

– Тогда... давай, – кивнул я, сглотнув слюну не то от волнения, не то от голода. Я по опыту знал: если Зубастик что-то задумал, остановить его невозможно.

Дракон качнул маятник на часах. И...

Мир поплыл. Стены стали прозрачными, мебель начала таять, словно была сделана из дыма. Потолок растёкся вверх, крыша исчезла, как туман под солнцем. Пол ушёл из-под ног, почва растворилась, деревья в саду превратились в бледные тени. Асфальтовая дорога истончилась и рассыпалась на серую пыль, соседние дома вытянулись и исчезли, будто их стерли ластиком. Даже карета с паровым двигателем, которую на прошлой неделе купил стражник Маклуй, распалась на искры и пропала.

Я стоял с разинутым ртом, ошарашенный. «Как это?! – металось у меня в голове. – Куда делось моё жильё? Где моё имущество?!»

Чужие дома, чужие лавки и заборы меня не волновали, но мой дом – это уже по живому. Это что же получается: не прибор для путешествий, а какой-то уничтожитель материальных ценностей? А я ведь даже страховку не оформил...

– Эй, где... – начал было я, но осёкся.

Сквозь растворяющуюся пустоту стал проступать другой мир. Мы находились в огромном замке. Каменные стены поднимались высоко вверх, сверкая полированным мрамором. Под потолком висели массивные хрустальные люстры, переливаясь сотнями огней. На окнах – тяжёлые бархатные занавеси глубокого пурпурного цвета. Резные столы из тёмного дерева, персидские ковры с замысловатыми узорами на каменном полу... Всё вокруг кричало о богатстве, таком, которое измеряется не кошельками, а поколениями. Здесь было на сотни тысяч баклариков – деньги, которых мне не заработать и за три жизни.

Но поразило меня не это. На троне, как настоящий король, восседал дракон. Я пригляделся – и сердце ухнуло вниз.

Ба-а... так это же Зубастик. Только другой. Он был облачён в роскошные одежды, расшитые золотыми нитями, на шее висели массивные подвески, на боку – меч с украшенной драгоценными камнями рукоятью. Чешуя блестела, словно её полировали каждый день.

Дракон лениво ел из серебряного блюда и раздражённо рычал:

– Эй ты, Петруччо! Быстро неси мне кетчуп! Твою стряпню невозможно есть без соуса!

Из подсобной двери, ведущей, видимо, на кухню, выскочил человек в пёстрой клоунской одежде. На нём были широкие штаны с помпонами, колпак с бубенчиком и нелепо раскрашенное лицо. В руках он нёс огромную пластиковую бутылку с красной жидкостью – этикетка была мятая, крышка перемотана верёвкой.

И я похолодел. В этом клоуне было невозможно не узнать... меня.

– Хозяин, несусь! – пискнул он тонким, услужливым голосом.

Он подбежал, упал на колени перед драконом и, вытянув руки вперёд, подал бутылку.

– Приятного аппетита, хозяин, будьте здоровы!

В его глазах светились преданность, нежность и какая-то пугающе искренняя любовь.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Кажется, путешествие по параллельным мирам начинало принимать крайне личный оборот.

Дракон в ответ на подобострастие слуги громко и сытно рыгнул пламенем. Огненная струя вырвалась у него из пасти лениво, как зевок после плотного обеда, но даже этого оказалось достаточно, чтобы алый язычок пламени лизнул высокий колпак Петруччо. Ткань мгновенно почернела, края свернулись, а от головного убора повалил едкий дым с запахом палёной шерсти и дешёвой краски. Однако слуга не моргнул и глазом. Он лишь ещё шире растянул губы в раблепной улыбке и чуть ниже склонил голову, будто огонь был не наказанием, а знаком особого благоволения. Его волосы уже тлели, отдельные пряди скручивались и осыпались пеплом на плечи, но Петруччо продолжал стоять, словно статуя преданности, готовая вынести любой каприз... хозяина.

Хозяина? Я невольно сжал кулаки. Кто здесь вообще хозяин?

И тут я услышал голос – свой собственный, но искажённый, лишённый привычной интонации, какой-то приторно-сладкий, униженный до тошноты:

– Спасибо, хозяин!

От этих слов у меня внутри что-то оборвалось. Я машинально обернулся к Зубастiku. Мой дракон смотрел на происходящее с холодным, почти философским удовлетворением, словно ученый, получивший наглядное подтверждение собственной теории. В уголках его пасти играла тень ухмылки, крылья были сложены спокойно, без напряжения, а в глазах читалось: «Я же говорил». Это не было веселье – скорее сухое констатирование факта. Да, это не театр. Это был реальный мир, один из тех самых кривых зеркал, и он мне категорически не нравился.

Тянуть дальше было невозможно. Я шагнул вперёд, ошарашенно, почти машинально, протягивая руку, будто хотел остановить само происходящее:

– Это что такое?!

Мой внезапный выход произвёл эффект разбитого стекла. Дракон на троне и мой двойник резко обернулись, уставившись на меня с таким изумлением, будто я вывалился из стены или материализовался из воздуха. В огромном зале повисла тишина – тяжёлая, гулкая, давящая. Меня здесь действительно никто не ждал.

– Это кто такой, Петруччо? – взревел дракон, и его голос прокатился под сводами, заставив задрожать хрустальные люстры. – Как этот паршивец попал в мой дом?!

Слуга повернулся ко мне. Его улыбка медленно сползла с лица, челюсть отвисла, глаза расширились до неприличия, будто он увидел собственное отражение, которое вдруг вышло из зеркала и заговорило.

– Хозяин... э-э-э... – пробормотал он, пятясь. – Он... он похож на меня... Колдовство какое-то!

Во мне вскипело. Все страхи, сомнения, растерянность испарились, уступив место ярости.

– Кто тут хозяин?! – заорал я, наступая на них, не разбирая дороги, словно передо мной были не живые существа, а воплощённая ложь. – Это я, Петруччино Гальбарин Мэтрдотель, являюсь хозяином! А драконы всегда служат людям! Что у вас происходит здесь, а?!

Мои слова упали в зал, как брошенная бомба. Воздух будто сгустился. Для этого мира сказанное прозвучало не просто дерзостью – святотатством. Оскорблением основ мироздания.

Мой двойник побледнел, потом покраснел, вскочил на ноги и затрясся от злобы, словно его прошибла лихорадка. Его глаза налились слезами – но это были слёзы не страха, а фанатичной преданности.

– Хозяин! – взвизгнул он. – Это революционер! Нет – мятежник! Немедленно спалите его к чертям! Он призывает меня к неповиновению великим драконам!

Крылатый владыка тоже смотрел на меня теперь иначе – не с ленивым презрением, а с растущей яростью и замешательством. Его ноздри раздувались, из пасти вырывался дым, когти впивались в подлокотники трона. От резкого движения серебряное блюдо с едой соскользнуло и с глухим стуком упало на ковёр, оставив жирное пятно.

– Это что за наглец тут появился? – проревел он. – Ты прав, Петруччо. Такого следует пожарить!

Он уже набрал воздух, грудь его раздулась, чешуя засветилась багровым, готовясь извергнуть огненный сноп...

Но не успел. Из тени колонны выскользнул мой Зубастик. Быстро. Резко. Без слов. Его лапа, сжатая в кулак, описала короткую дугу и с глухим, мясистым звуком врезалась в челюсть двойника. Это был настоящий, мощный хук, от которого у королевского дракона подломились ноги. Он охнул, крылья беспомощно распахнулись, и массивное тело с грохотом рухнуло с трона на каменный пол.

Слуга завизжал так, что зал наполнился эхом:

– Караул! Убивают! В нашем замке бандиты-революционеры! Стража!

Зубастик резко развернулся ко мне, схватил за руку и наклонился к самому уху:

– Всё, сваливаем с этого мира! Здесь я хозяин, а ты мой слуга!

– Это неправильно же! – вскричал я, сопротивляясь.

– Хозяин, – прошипел он, – это параллельный, а не наш мир! Я же предупреждал: параллельность – это не прямое зеркало. Это кривое, искажённое отражение. И чем дольше мы здесь, тем хуже будут последствия!

Нельзя сказать, что это как-то успокаивало. Мой разум с трудом осознавал новые подробности, а желудок все ещё скручивало от шока.

– Но я видел, тебе это нравилось! – сердито произнес я, вспоминая, как Зубастик чуть улыбается, наблюдая за ситуацией. Наверное, этот мир казался ему привлекательным – ведь здесь драконы обладали властью, управляли, указывали, а слуги падали ниц и выполняли любые капризы. Я видел в его глазах нечто, похожее на восторг исследователя, впервые оказавшегося в идеальной лаборатории власти, где все подчинено строгой иерархии и законам силы.

Дракон лишь вздохнул, не пытаясь отрицать:

– Прости, хозяин, секундная слабость! – сказал он, слегка покачав головой. – Но я против такого положения вещей, когда драконы становятся владельцами людей. Это нарушение законов природы. Наш мир правильнее.

С этими словами он крутанул стрелки на своих странных часах.

Наши двойники стали растворяться, и через несколько секунд их мир исчез. Но вместо него появился другой – снова странный, чужой, жуткий. Большое помещение, в котором мы оказались, было похоже на зал средневековой крепости или замка пыток. Стены обшиты массивными дубовыми панелями, на которых висели железные орудия пыток: кандалы, колесо с лезвиями, когтистые приспособления для рук и ног. Тусклый свет свечей с треском отражался в железе, бросая длинные зловещие тени на стены. По комнате витал запах прогорклого жира и влажного металла, смешанный с едкой горечью чего-то, что напоминало затхлую кровь и старую плесень.

В этом мире Зубастик-два восседал на массивном кресле в позе властителя. На нем было странное одеяние: белая туника с золотой вышивкой, широкий шлем, украшенный символами звезд и луны, а в лапах он держал несколько железяк, соединённых между собой цепями, которые при столкновении издавали глухие металлические звуки – будто колокольчики, только страшные и хриплые. Его морда была суровой, сжатой, глаза блестели гневом, и он тыкал одним из этих железных жезлов прямо в грудь зеленому дракону, который стоял перед ним без крыльев, словно скованный цепями и лишённый свободы.

– Ты решил восстать против нашего Господа Драхонида, создателя Вселенной! – орал Зубастик-два, выставляя ряд золотых клыков. – Как ты посмел, червь поганый, заявить, что Земля вращается вокруг Солнца! Ты осквернил наше учение! Ты поставил под сомнение то, что несет наша церковь народу!

Слюни летели в стороны, стены и пол были почти оплеваны. Запах был невыносимый – от несоблюдения гигиены челюсти дракона, от остатков еды и сгустков слюны, застоявшихся на клыках и губах. Зеленый дракон был скован цепями и выглядел меньше по размеру, но духом оставался нестигаемым. Он смотрел прямо в глаза своему мучителю и твердо ответил:

– О, Святой Инквизитор Зубалом Бесстрашный, я видел сам в телескоп, что Земля не является центром Вселенной. Наша планета вращается вокруг Солнца, и другие планеты – Марс, Юпитер, Венера – тоже! А наше светило – звезда, входит в число миллиардов звезд, что обрамляют Галактику Млечный Путь!

Его голос дрожал, но в нем слышалась непоколебимая решимость. Я почувствовал дрожь в воздухе: энергия правды сталкивалась с тиранией, а стены, казалось, сами дрожали от напряжения между этими драконами.

Я посмотрел на своего питомца – у того был немного смущённый вид. Его уши были прижаты к голове, хвост нервно подрагивал, а взгляд метался, словно он не знал, куда себя деть. Видеть собственное отражение в роли инквизитора, презирающего науку, более того – вершителя религиозного суда над учёным, явно вызвало в нём внутренний конфликт. Это был не просто дискомфорт, а почти стыд: словно он заглянул в зеркало и увидел там чудовище, каким никогда не хотел бы стать.

– Интересно, – прошептал я Зубастикку, наклоняясь ближе, – но ведь этот зеленокожий повторяет всё, что написано в школьном учебнике астрономии. Ничего нового он не открыл. За что его судить-то?

Зубастик фыркнул, выпустив тонкую струйку дыма из ноздрей:

– Так это в нашем мире! У нас здравый смысл, а здесь, судя по всему, царят Тёмные века, когда религия считала науку ересью и наказывала всех, кто шёл против церковных устоев! Бр-р-р... – он даже передёрнул плечами, словно от холода или отвращения.

А суд тем временем продолжался. Святой Инквизитор, энергично размахивая хвостом и нервно шебурша крыльями, будто огромная летучая мышь, запертая в каменном зале, изрыгал проклятия с таким пылом, что казалось – сами стены вздрагивают от его крика:

– Ты лжёшь, нечистоплотный еретик, чтоб твои потроха сгнили! Ты будешь за это наказан! Твои книги мы сожжём, а тебя казним! Палач! – двойник Зубастика хлопнул в ладони так, что металлический звон прокатился по залу. – Ты где, Петруччо?!

И тут к моему ужасу появился «я».

Мой двойник был облачён в чёрное одеяние палача – плотное, грубое, пропитанное запахом крови и дыма. Капюшон скрывал половину лица, но я без труда узнал собственные черты, и это было хуже всего. В руках он держал огромный топор с широким лезвием, на котором ещё не успела засохнуть кровь. Казалось, этот топор видел слишком много казней и слишком

мало пощады. Палач дрожал от нетерпения, словно хищник перед прыжком, готовый поскорее расчленив непокорного и гордого дракона.

Меня буквально замутило при виде себя в таком образе. В горле поднялась тошнота, ноги подкосились. Никогда бы не подумал, что способен на такое гнусное ремесло – на служение слепой жестокости, прикрытой «священными» словами. Хотя... в этом мире меня, вероятно, воспитывали иначе. Здесь сострадание считалось слабостью, а топор – инструментом веры.

– Я готов, Ваше Преосвящендраконство! – глухо произнёс мой двойник. – Какой вид казни заслуживает этот негодяй?

– Именем Великого и Святого Господа Драхонида, – торжественно и зловеще прогремел Инквизитор, – я приговариваю этого богохульника и отступника от веры к гриллированию. Мясо негодяя подать мне на ужин! Да, не забудь текилу и майонез!

Я-палач склонился и важно заявил:

– Будет исполнено, о Свя...

Но договорить он не успел.

Приговорённый к заживоиспечению не вздрогнул. Он стоял прямо, несмотря на цепи, с высоко поднятой головой, и продолжал смело смотреть в глаза своим мучителям. В его взгляде не было ни страха, ни мольбы – лишь твёрдая уверенность в своей правоте и спокойное достоинство. Так, наверное, смотрели на палачей Джордано Бруно и Галилео Галилей – люди, которые знали, что истина переживёт и костры, и инквизиторов, и целые эпохи мрака.

И тут Зубастик не выдержал. Он выскочил из угла, когтисто ухватил двойника за грудки, при этом мощным ударом хвоста оттолкнув моего палача-двоюродного «я» в сторону, чтобы тот не вмешивался.

Зубалом Бесстрашный взвился в воздухе, его нижние лапы болтались и верхние бес- сильно пытались ухватиться за что-либо, но дракон держал его железной хваткой.

– Ты что тут творишь, подлец! – заорал питомец, кляцнув клыками прямо у головы Инквизитора. Огромные зубы задели края шлема, и куски брони со звоном отлетели к стене, ударившись о каменный пол. Затем Зубастик, с невероятной ловкостью и силой, буквально изодрал одежду двойнику на тонкие полоски, оставив лишь ключья ткани свисать с лап, а его жезлы скрутил в плотные жгуты, словно канаты, готовые выдержать натяжение корабельного такелажа.

– Как ты смеешь ученых преследовать, скотина?! – прогремел он, и в голосе ощущалась смесь ярости и возмущения.

Наше внезапное появление стало полной неожиданностью для всех в зале. Зубалом Бес- страшный оказался вовсе не «бесстрашным»: его глаза широко раскрылись, кожа побледнела до желтизны, а губы дрожали.

Сплюнув, Зубастик бросил своего двойника на трон. Однако тот сполз на пол, лапы дро- жали, дыхание сбилось, и он с трудом выговаривал:

– Вы-ы к-кто т-так-кие?.. Че-го в-вам н-надо-о от ме-еня?

– Отпусти этого мудреца – он говорит правду! – продолжал орать Зубастик, ловко завя- зывая крылья инквизитора в морской узел, такой тугой, что разрубить его мог бы лишь насто- ящий магический меч. – Земля на самом деле вращается вокруг Солнца!.. Это элементарно!

В этот момент мой двойник, придя в себя после удара реальности, заорал:

– Стража! В Доме Святой Инквизиции бандиты и еретики! Они напали на нашего Вели- кого Инквизитора!

«Вот уж скотина Петруччо-два!» – мелькнула у меня мысль, а сердце стучало так, будто могло вырваться из груди.

Снаружи послышался шум: через высокое окно в зал стремительно врвалась орава хорошо вооружённых драконов и людей. Люди были в доспехах с налобными шлемами, в руках держали копыя и факелы, а драконы размахивали когтями, хвостами и крыльями, готовые

к бою. Они спешили на помощь своему религиозному владыке, рыча и визжа, шипя и свистя, как свирепый ураган. Нам не одолеть их в открытой схватке – оставалось лишь одно: ретироваться.

– Бежим! – схватил я Зубастика за лапу, едва не теряя равновесие от хаоса вокруг. Тот с неохотой отпустил тунику двойника, точнее то, что от неё осталось – клочья ткани еще дымились от огненных вспышек дракона, но сама фигура Инквизитора осталась скованной в жгуте.

– Потом поговорим... В следующий раз, – пригрозил церковнику Зубастик, крутанув прибор по перемещению.

Я же успел дать хороший пинок своему двойнику, который, отчаянно размахивая руками и падая, вскрикнул от неожиданности, прежде чем перед нами все завертелось: стены, пол, люстры и остатки жгутов растворились в воздухе, мир растаял, и мы снова оказались в знакомой комнате, среди запаха рыбы из печки и тепла домашнего очага.

...Третий мир, куда мы попали, был страшен и безжалостен. Город, который когда-то, возможно, жил и дышал, теперь лежал в руинах. Дым густой, черный, как сажа, застилал солнце, превращая день в серую мглу, сквозь которую пробивались лишь редкие блики огня. Земля дрожала от взрывов, покрытая огромными кратерами, расщелинами и выбоинами, как если бы гигантский молот прошёл по всему ландшафту. Асфальт и каменные постройки были изодраны, многие дома разрушены, обломки летали в воздухе. Ветра не было – его заменял жар от всеобщего пламени и запах плавящегося металла. Везде валялись остатки техники, под завалами горели машины, а металлические конструкции искрились от электричества. Растительности не было – только обугленные остатки деревьев и колючки, пронзавшие черный песок, напоминающий пепел.

На небе разверзлась настоящая арена войны. Драконы, облаченные в бронированные доспехи из металла с глянцевыми поверхностями, сияющими от осколков взрывов и огней лазеров, пикировали, совершая резкие манёвры. На спинах у них сверкали пусковые установки, на хвостах – миниатюрные ракеты, когти были усилены стальными накладками. Их глаза горели холодным огнем – боевые сенсоры, способные просечь цель за километры. Они взмывали в воздух, пикировали и метко поражали своих врагов.

Против них действовали киборги – механические драконы, созданные словно из стали и энергии. Их корпуса были шиты из панелей, швов и броневых сегментов, моторы гудели в стальном чреве, глаза представляли собой ярко-красные видеокамеры. Вместо крыльев у них гибкие суставчатые конечности, которыми они захватывали, крушили и топтали все на своем пути. Механические челюсти скрипели, а пушки, встроенные в плечи и хвосты, оставляли после себя огненную дорожку. Бессердечные, бездушные и безжалостные – это были существа точной серийной конструкции, созданные для одной цели: уничтожение живого.

– Это война будущего, – прошептал ошеломленный Зубастик. – Восстание машин...

Я вертел головой, пытаясь охватить происходящее. – А кто их создал? – спросил я.

– Наверное, живые драконы. Только они способны на такие инженерные чудеса, – ответил Зубастик, напряженно всматриваясь в фигуру командира на большой высоте. Один дракон, с золотыми отметинами на броне, руководил войсками, метко поражая киборгов управляемыми ракетами. Я с изумлением узнал в нем Зубастика-три: более смелый, сражающийся без колебаний, с глазами, полными решимости, и стойким духом командующего. Его крылья двигались точно, хвост координировал атаки, каждая команда была точна и безошибочна. В этом параллельном мире ему суждено было быть лидером, каким он мечтал стать.

Неожиданно я заметил своего двойника – человека в полном боевом обмундировании, сидящего на спине дракона-двоюродного. На мне был тяжелый армейский костюм из термостойчивого материала, усиленный броневыми пластинами на груди, плечах и бедрах. Руки защищали локтевые накладки, перчатки с усиленными пальцами позволяли держать бластер. На поясе висели патронные магазины, гранаты и компактный мультитул. Шлем с прозрачным визором почти полностью закрывал лицо, оставляя лишь глаза видимыми. В руках я держал бластер, паля в киборгов, и крик мой перекрывал грохот выстрелов.

– Полковник! – орал я-двойник, и им действительно был Зубастик. – Сейчас подойдет подкрепление с севера, нам нужно перегруппироваться! У нас потери и перерасход снарядов!

– лейтенант Петруччино, поддерживайте связь с батальонами! – отдал команду Зубастик, взмывая выше облаков, скрываясь среди лазерных вспышек врагов. Вслед за ним поднимались другие драконы-воители, стрелявшие всем арсеналом: ракетами, лазерами и импульсными пушками. С неба раздавались гул, свист, удары по киборгам, чьи металлические корпуса вздымали искры при попаданиях. Нужно было менять диспозицию, иначе войска потеряют эффективность.

Небо пылало от взрывов, как раскаленный котёл: облака раскаленной пыли и смога смешивались с лазерными вспышками, раскаленными хвостами драконов и огненными следами ракет. Солнце едва пробивалось сквозь черный смог, окрашивая всё в красно-оранжевые

оттенки. Каждое мгновение был слышен вой, рев, удары, взрывы, а земля дрожала под мощью сражения – картина полного хаоса и смертельной красоты одновременно.

Я посмотрел на питомца:

– Ага, в этом мире ты полковник... типа, главнокомандующий. А я что – твой адъютант что ли?

Но Зубастик полагал иначе:

– Думаю, мы работаем в спарке, как одна команда. Я – полковник для драконов, а ты, хозяин, – лейтенант для людей. Думаю, мы оба здесь главнокомандующие!

Его голос звучал уверенно, и я был склонен доверять этому мнению. Хотя смущало то, что Зубастик-двойник практически приказывал мне, лейтенанту, устанавливать связи с подразделениями армии. Как-то не клеилось это в схему совместного командования. Однако долго размышлять мне дракон не дал, он добавил:

– Ладно, нужно сматываться с этого мира, пока нас самих тут не подстрелили – если не киборги, то свои, живые.

И как в воду глядел – рядом с нами разорвались две вакуумные бомбы, такие, что от их взрывной волны целая улица буквально ушла под землю. Воронки зияли глубокими кратерами, из которых вырывался клубящийся газ и пыль. Нас буквально втянуло внутрь этого хаоса, и мы могли оказаться на глубине ста метров, практически заживо похороненные, если бы дракон опять не запустил свой прибор.

Мир стал меняться, и через несколько секунд мы уже оказывались в четвертом параллельном измерении. Земля здесь оставалась Землей, но местность была совершенно неузнаваемой. Мрачное небо нависало низко, свинцовые облака почти касались горизонта, под ними степь простиралась до самого края зрения. Трава была длинной и колючей, смешение серо-зеленых и бурых тонов создавало впечатление, что земля давно не знала дождя, но местами сквозь неё пробивались сочные зелёные побеги – словно природа упрямо сопротивлялась этому миру.

По этой степи бегали два существа – дракон и человек. Дракон был покрыт густой шерстью, напоминая маленького мамонта, даже крылья были пернатые, с длинными перепончатыми перьями, которыми он пытался балансировать. Человек же был одет в звериные шкуры, натянутые через плечо и пояс, с дубинкой в руках, отчаянно пытаясь огреть дракона. В ответ дракон изрыгал струи огня из пасти, заставляя человека отпрыгивать в стороны, уклоняясь от языков пламени. Погоня была сумасшедшей, хаотичной – непонятно, кто за кем охотится. Оба были усталы и запыхались, оставляя за собой следы на влажной траве и клоки поднятой пыли.

– Слушай, а ведь это мы с тобой, – вдруг заявил Зубастик, ухмыляясь. – В этих двух чудиках я обнаружил нас.

Я нахмурился:

– Это как? Разве мы так одеваемся? И так ведем себя?

– Так в этом мире еще первобытный строй! – пояснил дракон. – Мы полумозговые существа. Ты – кроманьонец, а я в стадии бронзового века...

– Это почему ты в бронзовом веке, а я еще какой-то там кро... – пытался вспомнить я обидное словечко, которым наградил моего двойника Зубастик.

– Изучай археологию – поймешь, – оборвал меня питомец, показывая на лапы. – У меня бронзовые браслеты, а у примата – обычная палка. Но мне не нравится, что мы здесь во врагах. Драконы и люди должны дружить, а тут человек хочет содрать шкуру с меня-двойника, а дракон – опалить тебя-двойника.

Я по привычке почесал нос. Хотелось чихнуть: сырость и холод пронзали насквозь. Туманная дымка висела над травой, влажные листья и опавшие побеги плотно прилипали к ногам, а ветер приносил запах сырой земли, смешанный с дымком тлеющей травы и дале-

ких костров. Осень здесь уже вступала в свои права: холодные потоки воздуха обдували лицо, иногда захватывая острые листья, а солнце, скрытое за низким горизонтом, едва проглядывало сквозь свинцовые облака, окрашивая степь в тускло-серые и золотистые оттенки.

– И что ты предлагаешь? – спросил я, сжимая зубы, пытаюсь согреться и одновременно понять, как нам вести себя в этом странном мире.

Зубастик взмахнул крыльями и медленно обернулся ко мне. В его глазах мелькнул тот самый огонёк – опасный, но обычно предвещающий не разрушение, а неожиданно простое решение.

– Есть идея!

– Так что ты предлагаешь? – настороженно спросил я, уже заранее опасаясь очередного «драконовского» метода.

– Подружить их, – прошипел он и, не давая мне времени возразить, вытянул шею, забормотал что-то на древнем драконьем наречии. Воздух задрожал, словно над степью прошла тепловая волна, небо на мгновение потемнело – и прямо с высоты, с глухим шлепком и треском, на землю рухнули две огромные туши слонов.

Но не просто слонов – они были идеально зажарены: золотистая корочка блестела, жир потрескивал, мясо местами еще дымилось. Сверху туши были щедро облиты густыми соусами – один темный, с пряным ароматом, другой светлый, сливочно-травяной, стекавший по бокам аппетитными ручейками. Запах был такой, что у меня мгновенно свело желудок.

Наши первобытные двойники остановились как вкопанные. Человек застыл с поднятой дубинкой, разинув рот, дракон замер с приоткрытой пастью, забыв выпустить пламя. Несколько секунд они просто смотрели на это гастрономическое чудо, словно на явление богов. В глазах читались страх, недоверие и восторг одновременно.

А потом оба заорали. Не боевым кличем – радостно, почти счастливо. Они рванули к слонам, забыв о вражде, начали рвать мясо руками и когтями, жадно поедая его, давясь и смеясь по-своему. Человек, чавкая, протянул дракону кусок, тот ответил тем же, аккуратно подталки-

вая лапой особо сочный ломоть. В их движениях больше не было злобы – только первобытное, но искреннее чувство общего пира.

Да, первый шаг к взаимопониманию был сделан. Возможно, завтра они выйдут на охоту вместе. А совместная охота – это уже разделение ролей, доверие, а там, глядишь, и первые зачатки цивилизации.

Аромат жареных слонов достиг и моего обоняния, и тут меня осенило:

– Эй, дружок, а ведь у нас пицца!

Чувство голода оказалось сильнее философских размышлений о судьбах миров.

– Ах, блин, забыл, – хлопнул себя по лбу Зубастик. Вид у него был такой же голодный, как и у меня. Он торопливо крутанул стрелки на часах в обратную сторону. Металл тихо заскрипел, маятник дернулся.

Мир вокруг нас начал скукоживаться, словно его сжимали невидимые руки: цвета потускнели, пространство свернулось в спираль, степь и небо втянулись в одну точку – и мы вновь оказались в нашем жилище.

И сразу поняли: мы опоздали. Из плиты валил густой черный дым, тяжелый и едкий. Он клубился под потолком, пропитывал всё вокруг запахом гари.

Ругаясь сквозь зубы, Зубастик натянул перчатки и вытащил из печи то, что когда-то было пищей. Теперь это был плоский, угольно-черный диск, местами еще тлеющий. Затем он щедро залил раскаленную плиту противопожарной пеной – белая масса вспенилась, зашипела, посыпались искры. Комната наполнилась треском и удушающим дымом, у меня заслезились глаза, и пришлось распахнуть окно настежь.

– Вот чем заканчиваются лекции никчемного профессора на практике, – сердито буркнул дракон и, махнув хвостом, ушел в свою каморку. – Не отвлекай меня, хозяин, я хочу заняться наукой!

Я остался за столом. Отломил кусочек уголька от того, что некогда называлось итальянским блюдом, осторожно отгрыз его и поморщился – вкус был соответствующий виду.

Жуя, я размышлял обо всех мирах, которые мы видели, перебирал их один за другим – жестокие, безумные, перекошенные. И пришел к выводу, что настоящая реальность всё-таки лучше всех. Здесь, по крайней мере, никто никому не угрожает: ни я дракону, ни дракон мне.

(15—16 апреля 2017 года, Винтертур-Элгг)

Дракон и его антипод

Был хороший день. Солнце стояло высоко и мягко, будто нарочно стараясь не жечь, а ласкать. Воздух был наполнен ленивым теплом, в котором звуки растворялись, а тени подрагивали, словно от нетерпения. Где-то за окнами обещающе шуршали листья, и казалось, что сама погода намекает: самое время выйти, пройтись, дать мыслям разбредиться по аллеям вместе с шагами. Казалось, время для прогулок.

Увы, нас занимали другие дела.

Мы с Зубастиком находились в библиотеке и читали каждый своё – по интеллекту и интересу. Ну, это у моего дракона в каморке была огромная библиотека, и поэтому, если честно, я находился у него, заняв небольшое кресло, тогда как он восседал на диване под свой размер.

Библиотека поражала воображение. Стеллажи поднимались до самого потолка, теряясь в полумраке, а между ними вились узкие проходы, словно тропинки в древнем лесу знаний. Книги были разными: одни – в потрёпанных кожаных переплётках с тиснёными символами, другие – с металлическими застёжками, третьи – слегка светились, будто внутри них тлел собственный разум. В воздухе стоял густой запах старой бумаги, пыли, чернил и едва уловимый аромат озона – след магических экспериментов. Иногда какая-нибудь книга тихо шуршала страницами сама по себе, словно вспоминая прочитанное.

Я устроился в небольшом кресле, которое по меркам дракона годилось разве что для гостя-гнома, а Зубастик развалился на массивном диване, специально укреплённом чарами, чтобы не рассыпаться под его весом. Правда, его книги мне были не по силу осилить – уж больно много магии и науки там было. Я предпочитал лёгкую литературу – журналы, где больше двигающихся фотографий и меньше заумного текста.

Мой журнал был ярким, гляцевым, страницы в нём шуршали весело, а иллюстрации иногда действительно шевелились: дракон-модель моргал, реклама самонагревающегося чайника подмигивала, а схема «десять способов узнать, что ваш сосед – оборотень» сама перелистывалась, если задержаться слишком долго. Тексты были короткими, нарочито простыми, с крупными заголовками и обещаниями сенсаций на каждом развороте.

Зубастик же, наоборот, поглощал фолианты сложного математического труда об интегралах третьего порядка. Это был увесистый том с серым, почти каменным переплётом, испещрённым формулами вместо узоров. На страницах теснились символы, дроби, знаки сумм и интегралов, уходящие в несколько уровней вложенности. Там рассматривались многомерные пространства, искривлённые поля и способы вычислить то, что в принципе не хотело вычисляться. Формулы переплетались с комментариями на древнедраконьем наречии, а некоторые абзацы сопровождались магическими диаграммами, которые медленно вращались, помогая понять смысл.

При этом он попивал из большой кружки кофе. Кружка была размером с ведро, керамическая, с трещинками от времени и надписью: «Не трогать до третьей чашки». От неё поднимался густой аромат обжаренных зёрен, горький и бодрящий, а сам кофе был настолько крепким, что, казалось, мог растворить ложку. Зубастик делал медленные, вдумчивые глотки, словно подпитывал не только тело, но и мыслительный процесс.

У него был такой вид, что вот-вот получит Нобелевскую премию в области квантовой механики или там молекулярной физики: слегка нахмуренные бровные гребни, сосредоточенный взгляд, кончик хвоста, задумчиво постукивающий по полу.

В одно мгновение я отложил журнал «Любопытные новости» – издание, специализирующееся на странностях мира: загадочные исчезновения носков, интервью с говорящими грибами, рейтинги самых нелепых проклятий недели и рубрика «Наука, но не слишком». И, потягиваясь, чтобы размять мышцы от долгого скованного сидения, спросил:

– Слышь, дружище, у драконов есть естественные враги?

– Чего? – не понял дракон, оторвавшись от толстого тома. Его глаза были туманными, словно он только что вынырнул из глубин сложных расчётов: зрачки слегка расширены, взгляд расфокусирован, а на рогах ещё будто задержались отблески формул. – Какие враги?

– Тут пишут, – и я указал на страницу в журнале, – что в природе гармонично всё, в том числе и наличие врагов. Например, естественным врагом зайцев является волк, мышей – кошка, воробьёв – сокол, червяков – птицы. Если нет врагов, то животные вымирают, так как нет эволюции...

Мой вопрос оказался неожиданным для питомца. Он замер, медленно моргнув, закрыл книгу пальцем-когтем и задумался. Его хвост перестал двигаться, а уши чуть дёрнулись – верный признак того, что я попал в точку, о которой он раньше не задумывался.

– Хм, – Зубастик отложил книгу и поправил очки на морде. – Впервые слышу, хозяин, чтобы тебя заинтересовали научные трактаты... Хотя твой журнал – набор сплетен и небывлиц, однако, судя по всему, кое-когда в нём проскальзывают здравые мысли. Ты прав, без естественного противника у особей нет эволюционного развития, нет естественного отбора, ведь в дикой природе выживает сильнейший... враг – это борьба за существование, это наследственная изменчивость и адаптация.

– Но вы не вымерли, значит, враги есть? – хитро подмигнул я дракону, радуясь, что задал каверзный и умный вопрос. В груди даже разлилось тёплое чувство собственной сообразительности.

Тот тяжело вздохнул и сказал:

– Ты прав, хозяин. Есть. Правда, этого «естественного» врага мы создали сами...

Я в недоумении повертел головой:

– Как это? Поясни.

Питомец опять вздохнул и снял уже очки, аккуратно положив их на край столика, словно боялся спугнуть мысль. После этого он стал медленно крутить хвостом – лениво, по кругу, но с заметным напряжением: кончик хвоста то и дело подрагивал, задевая ножки мебели, а иногда с глухим стуком ударялся о пол, выдавая его внутреннее беспокойство.

– Ты слушал легенду о гомункулесе? Нет?.. Так слушай: когда-то – а точной даты никто не знает – один старый еврей, профессор-алхимик из Пражского университета решил создать искусственного человека, используя магию и науку. Ему тоже хотелось стать Богом. И он его сотворил из глины. Так появился гомункулус – хитрый и жадный, который внешне напоминал человека, но не имел никакого генетического сходства с «хомо сапиенсом»...

– С кем? – не понял я.

– Ну, с вами, с людьми... «Хомо сапиенс», «Хомо эректус», «Хомо неандерталус»... Ладно, хозяин, не вбивай себе в голову... – дракон запнулся, видимо, осознав, что в латыни я не спец.

Я только протянул:

– А-а-а...

– Так вот, этот гомункулус возненавидел своего создателя и стал мстить ему за то, что он маленький, некрасивый и бедный. Так у человека появился естественный враг...

– Но у меня нет врагов, – сказал я. – Я никогда не видел этого гомункулуса.

– Есть, есть, просто ты их не видишь, – «успокоил» меня дракон. – И я отпугиваю их... Но сейчас речь не о вас, людях, а о драконах и их естественных врагах. У нас тоже был такой умник – профессор Драхилий фон Шпрингер, дракон из шпенглераевского рода.

При упоминании имени Зубастик нахмурился. Драхилий фон Шпрингер, по его словам, был высоким даже по драконьим меркам, с узкой вытянутой мордой и холодными, почти стеклянными глазами. Его чешуя имела редкий пепельно-серебристый оттенок, а движения были резкими, отрывистыми – как у существа, привыкшего повелевать формулами, а не стихиями.

Он носил длинный ученый плащ, расшитый рунами, и презирал старые драконьи традиции, считая их «архаикой, тормозящей прогресс».

– Он решил создать такого гомункулуса, и это было несколько тысяч лет назад, до истории с пражским алхимиком. И при помощи магии и науки сотворил циклопа.

– Циклопа? Э-э-э... Я думал, это древнегреческие мифы... – ошарашенно произнес я. – Одиссей боролся с одним из них – это я помню из Истории Древнего мира...

Перед моим взором пронесся циклоп: громадное существо с перекошенной, словно высеченной из камня фигурой, с одной-единственной огромной глазницей посреди лба. Кожа его была грубой, серо-бурой, будто покрытой трещинами, а изо рта торчали кривые зубы, похожие на обломки скал. Он тяжело дышал, сжимая в руках дубину, и от одного его взгляда веяло тупой, но опасной яростью. Я потряс головой, и видение исчезло.

– Какие там к чёрту мифы! Это греки украли историю о циклопах у нас, драконов. А циклопы – это жулики и прохиндеи, хулиганы и бездельники. Так вот, сотворённый циклоп Квинтусс решил, что он умнее и сильнее своего создателя, и попытался, в свою очередь, подчинить себе его. И произошла жуткая схватка, при которой никто победителем не стал, но зато весь город остался в руинах, а позже его занесло песком. Ну, профессор Драхилий фон Шпрингер лишился крыльев, а Квинтусс – одного глаза, поэтому он и его потомки стали после этого одноглазыми, а шпенглераевские драконы – бескрылыми. И с тех пор у нас есть естественный враг. Циклопы – это вредные, злые и коварные создания, от них у драконов всегда проблемы.

И тут Зубастик развёл крыльями, словно руками, – широко, резко, с явным всплеском эмоций. Перепонки натянулись, а в глазах мелькнула смесь гнева, обиды и усталости, как у того, кто вынужден веками жить с чужой ошибкой.

– Ого! – выдавил я из себя.

– Вот именно – ого! Но природа внесла равновесие в эволюцию циклопов и драконов: если вылупляется дракон, то автоматически где-то на Земле вылупляется и циклоп. То есть у каждого дракона есть антипод – циклоп. Но если умрёт или дракон, или циклоп, то это не ведёт к смерти антипода. Этот профессор вторгся в сферу высшей материи, в эволюцию нашего вида, за что мы, потомки, ему совсем не благодарны!

И тут дракон позеленел от злости. Его чешуя изменила оттенок, словно по ней прошла волна ядовитого света, ноздри расширились, из пасти вырвался тонкий дымок, а когти медленно, с противным скрежетом, вонзились в обивку дивана. Было ясно: если бы Драхилий фон Шпрингер стоял сейчас перед ним – библиотека бы этого не пережила.

– Э-э-э, дружище, значит, и у тебя есть этот... антипод? – обалдевшим голосом спросил я.

И косо посмотрел на валявшиеся под ногами развлекательные журналы. Яркие обложки с кричащими заголовками про «десять способов разбогатеть за ночь» и «сенсацию недели» вдруг показались плоскими, пустыми и до смешного неуместными. После рассказа домашнего питомца вся эта глянцевая мишура выглядела детской забавой на фоне древней вражды и разрушенных городов.

– Увы, есть. Когда я родился, то родители мне сразу выковали меч.

Мне аж поплохело от этих слов.

– Меч? Зачем?

Но Зубастик яростно произнёс ответ – так, что его глаза сверкнули, словно алмазы на солнце. От этой вспышки по комнате прошла волна жара, и занавеси на окнах начали тлеть, покрываясь тёмными прожогами. Я едва успел сорвать одну из них и сбить огонь, хлопая тканью и ругаясь про себя. Сердце колотилось, а в нос ударил запах гари.

– Мы с циклопами – антагонисты и обречены на вражду. Драконам куют мечи, волшебные, конечно. Оружие вначале маленькое, под ребёнка, но когда дракон вырастает, то увеличивается в размерах и меч. Такое же делают и циклопы – у них оружием является дубинка из железного дерева, очень прочной древесины. Нас готовят к войне друг с другом, – пояс-

нил Зубастик, уже тише, вздыхая от тяжёлых дум. – И схватки бывают жаркие, порой города и посёлки остаются в руинах, по земле катятся отрубленные и разбитые головы.

Я несколько минут молчал, обдумывая услышанное – уж слишком неприятной и мрачной казалась эта история драконов. В воображении вставали картины сражений: пылающие дома, обрушенные башни, гигантские тени, сходящиеся в дыму, звон металла о дерево, крики и грохот, от которых дрожит сама земля. Мне стало не по себе.

А потом я спросил, глядя прямо в глаза дракону:

– А у тебя кто антипод?

Мой вопрос, конечно, не застал врасплох Зубастика, однако отвечать он явно не хотел. Он отвёл взгляд, сжал когти, затем снова посмотрел на меня. Но от хозяина скрывать правду нельзя – таковы принципы воспитания драконов: честность, ответственность и верность тем, кто рядом. Скривив морду, он всё-таки выдал:

– Циклоп по имени Киклобус. Мы родились одновременно. Я – недалеко от нашего города, он – в Австралии, и сразу почувствовали друг друга. В этом и есть магическая связь драконов и циклопов: антиподы чувствуют и знают о существовании друг друга. То есть я не спутаю своего антипода с другим. Но бывает так, что антиподы и не встречаются и спокойно доживают свой век. Всё зависит от обстоятельств, ситуации и времени. То есть, хозяин, мой «естественный враг» может и не прийти сюда.

Информация о наличии врага у моего питомца меня совсем не радовала. К тому же мне совершенно не хотелось однажды встретить у себя дома одноглазого громилу, размахивающего дубиной из железного дерева. Я невольно представил, как такая махина проламывает стену, и меня передёрнуло. Как бы не попасть под его горячую руку – это дракону легко пережить удар такой силы, а вот от человека останется лишь смятая, бесформенная клякса. Получается, я становлюсь некой случайной жертвой?

Я как-то неосознанно отодвинулся в сторону, словно от самого Зубастика исходила угроза. Он это заметил и сразу осерчал – прищурился, фыркнул, расправил плечи.

– Ты, хозяин, не пугайся. Мой антипод ещё ничего...

Я опешил:

– Э, как ничего? Дубинка – это «ничего»?.. Ты его видел-то, этого Кицло... как его там? – и я забегал по библиотеке, размахивая руками и нервно переступая через стопки журналов. В спешке я задел несколько полок, книги посыпались на пол, но тут же, словно обидевшись на небрежность, сами расправили страницы, вспорхнули и аккуратно вернулись на свои места. Одна даже неодобрительно хлопнула переплётом, прежде чем занять прежнюю позицию.

– Киклобус. Да, видал, хозяин, судьба столкнула нас. На Ежегодном фестивале популярной музыки в Морис-Шлоссе, – произнёс дракон и откинулся на спинку дивана. Он совершенно забыл о своих научных брошюрах: том про интегралы сполз на пол, кофе остыл, а выражение морды стало мечтательно-рассеянным. В тот момент было очевидно: если бы Нобелевский комитет видел его сейчас, премия в этом году всё равно уплыла бы другому – слишком уж далеко его мысли ушли от формул.

– Да, мы почувствовали друг друга сразу, и он мне, естественно, не понравился. Здоровый такой, волосатый, одет как хиппи, пилотные очки на один глаз, в руках двадцатипятиструнная гитара весом в пять тонн. Неприятный тип. Несло от него перегаром – большой любитель пива. И я на его фоне – элегантный, весёлый, интеллигентный, в парфюме от французских домов моды, в руках держу саксафон.

Пока дракон говорил, моё воображение услужливо нарисовало картину: яркая сцена, огни софитов, толпа, а на одном краю – косматый циклоп в рваной рубаше, с торчащими во все стороны волосами, лениво бренчащий по струнам своей чудовищной гитары. И напротив – Зубастик, блестящий, ухоженный, с лоснящейся чешуёй, в стильном костюме, держащий сак-

сафон с видом светского льва. Контраст был настолько нелепым, что мне захотелось рассмеяться.

– Твой саксафон тоже весит тонны три, – заметил я, вспомнив, как Зубастик однажды пытался внести сей инструмент в свою каморку. Он тогда застрял в дверном проёме, а от первой же попытки сыграть с потолка посыпалась штукатурка, оседая белой пылью мне на голову. После этого я без разговоров прогнал его выдувать музыку в горы, что в ста километрах от нашего дома.

Мой укор был болезненно воспринят питомцем: он дёрнул крылом, нахмурился, фыркнул и на мгновение стал похож на обиженного подростка. В глазах мелькнула искра, но он благоразумно решил не реагировать и продолжил, сделав вид, что ничего не произошло:

– Это был фестиваль, где участвовали как знаменитые, так и непрофессионалы эстрады и поп-музыки, и я чувствовал себя там прекрасно, пока не появился этот тип. Не скрою, хозяин, его присутствие меня напрягло, я испытывал дискомфорт, даже меч начал расти в лапах, но я вовремя его успокоил и вложил в ножны. Можно было покинуть площадку, однако не отказываться же мне от участия из-за антипода, – тут Зубастик прокрутил хвостом в воздухе какую-то сложную геометрическую фигуру: спираль, переходящую в восьмёрку, затем в треугольник. При этом он умудрился не задеть ничего вокруг – ни полки, ни стол, ни даже хрупкую люстру, что само по себе было маленьким чудом. – И я остался. И Киклобус тоже.

За окном в это время прыгали воробьи, чирикали, перекликаясь друг с другом, солнце мягко грело землю, и лёгкие испарения поднимались от нагретых крыш и асфальта, делая воздух дрожащим и ленивым. Мир жил своей спокойной жизнью, совершенно не подозревая о древней вражде. А Зубастик не обращал на всё это никакого внимания и продолжал рассказ:

– Когда объявили меня, то я вышел с саксафоном под аплодисменты зрителей, некоторые знали меня по другим фестивалям и были рады, – продолжал дракон, закатив глаза от приятных воспоминаний. – На мне – шляпа, костюм от драконьей марки «Друшлагус», сапоги «Мальтур»: чёрная кожа, ручная работа, лёгкий блеск, подчёркивающий статус. Короче, я блистал. И с высоты эстрады увидел его, Киклобуса, сразу опознал в нём моего антипода, «естественного врага». Он смотрел на меня злобно, плевался, ковырялся в носу, размазывая всё по ладони, – абсолютно невоспитанная скотина! За спиной – рюкзак, полный банок дешёвого пива «Злобус чёрный».

– И что было дальше? – торопил я, слушая рассказ Зубастика. Мне было жутко интересно, словно я стоял на краю пропасти и ждал, что сейчас откроется страшная и одновременно завораживающая панорама. Сердце колотилось, дыхание сбивалось, а глаза сами искали каждый жест и каждое движение дракона, будто в его словах оживала целая вселенная.

Дракон ухмыльнулся и, сделав глубокий вдох, дыханием зажег несколько свечей, подвешенных к потолку на длинных цепях. Пламя мягко взметнулось и танцевало на стенах, отбрасывая трепещущие тени. Электрическую люстру он, само собой разумеется, отключил – щелчок когтя, и комната погрузилась в полуосвещённый, почти театральный полумрак. Стало одновременно забавно и жутко: свечи бросали странные узоры на книги, на пол и на наши лица, а библиотека словно оживала, готовясь к магическому действию.

– Я начал выдувать из меди первые ноты, и народ уже был ошеломлен музыкой, которую, кстати, сочинил сам. Это была лирика: медленные, извивающиеся линии мелодии, будто струи воды, переливались через воздух, нарастали и сплетались в сложные узоры. Иногда казалось, что сама мелодия разговаривает со слушателями – трепещут сердца, появляются мурашки по коже, слёзы появляются сами собой. Я брал разные регистры, играл виртуозно, а толпа бурлила, одни плакали от умиления, другие – от восторга. И только этот тип продолжал вытаскивать козьяки из горбатого носа и пялить на меня единственный глаз, зрачок которого был скрыт под линзой очков. Он злился, и это, как ни странно, меня воодушевляло: я понял, что своей

игрой демонстрирую свой острый ум, талант и дарование. Когда закончил, то минут десять мне аплодировали и не отпускали со сцены.

– Это был триумф! – и Зубастик закатил глаза, полностью погрузившись в воспоминания. Его взгляд стал мечтательным, губы чуть дёргались в улыбке, а крылья сжались у него за спиной, словно он снова ощущал лёгкое дрожание сцены под лапами. Он замолчал, и я наблюдал, как дракон утонул в радостной памяти. Так он сидел минут десять, пока моё терпение не лопнуло, и мне пришлось вернуть его в реальность лёгким пинком по крылу:

– Э-э, продолжай!

– Ах, да, – очнулся Зубастик, встряхнувшись, будто стряхивая со шкуры воспоминания. – Итак, я сошёл со сцены под крики «Браво!», «Супер!», «Зубастик – ты наш кумир!». Море цветов, вспышки фотокамер, люди ликуют. И тут объявили... этого циклопа. Словно специально так задумали, чтобы меня поддразнить, – сердито произнёс дракон. – Организаторы потом поясняли, что очередность определялась по филианскому алфавиту, а там за буквой «З» следует «К», и поэтому Киклобус оказался после меня. Я вернулся к зрителям и уставился на этого типчика. А тот зыркнул на меня с превосходством и ударил по струнам. Играл он противно, нервно, одна какофония струн. Но что меня поразило – он играл рок... по моей мелодии! То есть, он украл мою музыку! Это был плагиат сущей формы!

– Да ты что! – поразился я. – А как он мог у тебя украсть, если до этого вы не встречались? Или ты уже играл эту композицию?

– В том-то и дело, что я сочинил её за полчаса до выступления и проигрывал в голове, – прошипел Зубастик. – Но мои мысли, наверное, уловил циклоп и проиграл её на свой манер. Правда, он добавлял свои ноты, чем исказил, точнее, испоганил всю музыку. Когда он закончил, то и ему захлопали, правда, не так интенсивно и массово, как мне. Я же вскочил и заорал: «Ты украл мою музыку, негодяй!»

Я вздрогнул. Мне стало обидно за моего питомца, и поэтому выдавил из себя:

– А циклоп? Что сказала это волосатое одноглазое чудище?

Зубастик вскочил и стал быстро шагать по библиотеке. Словно по команде, все книги слетели с полок и устремились за ним ровным строем. Они парили в воздухе, страницы шуршали, как военные марширующие шаги, переплетения щёлкали, как сапоги солдат по мостовой, а иногда отдельные книги слегка подпрыгивали, словно делая кульбит, прежде чем снова выстроиться в строй. Остановившись, дракон повернулся ко мне и сказал:

– Он вздрогнул от изумления и крикнул, что это я украл его мелодию! И тут пошла перепалка! Зрители ошеломленно смотрели на нас. Этот антипод клеймил меня, я же требовал судебного разбирательства! А потом не сдержался и дыхнул на него огнём, подпалив дурацкую прическу. Волосы у него вспыхнули ярким пламенем, закручивались в языки огня, потрескивая и источая запах палёного, но огонь успели потушить пожарники, которые всегда дежурили у сцены – в полной готовности к дракам или любому дракону с плохим характером.

Я ошарашенно протянул:

– И что было дальше?

– А дальше этот болван скрутил мне крылья за спиной в морской узел, который развязывали потом несколько часов. – Зубастик вздрогнул, будто снова чувствовал ту боль, и я видел, как каждая мышца на его крыльях и спине напрягалась в памяти события. – Но в отместку я выхватил его гитару, порвал все струны, а саму гитару сломал о его глупую башку. Одни щепки остались, посыпались на пол и полетели, словно осыпанные чешуйки дракона.

Меня трясло от волнения:

– А циклоп?

– А этот хиппи-одноглазый согнул мой саксафон в медный жгут и бросил его к моим лапам. И тут я совсем разозлился от такого кощунства и выхватил меч. Это был вызов, от которого нельзя было отказываться.

Я свалился на кресло и обалдело уставился на дракона. А тот продолжал шагать по помещению, весь взволнованный, будто кровь в венах кипела, чешуя слегка блестела от напряжения, глаза сверкали, хвост дергал по полу, а когти царапали паркет с мягким, но жутким скрежетом.

– А меч откуда? Ты что, и на сцену его взял? – в недоумении спросил я.

– Драконы всегда его носят, я же говорил! – с лёгкой гордостью ответил Зубастик. – Он магический – быстро вырастает из размера булавки в клинок несколько метров. У циклопов дубинки проходят такой же процесс – из палки в огромную колонну, чем можно поддерживать крыши дворцов. И вместо концерта у нас началась схватка. Народ визжал в ужасе, полиция не знала, как нас разнять – всё-таки дракон и циклоп, не букашки! Искры, грохот, шум – настоящая схватка, в которую мы вложили все силы, нервы, злость и упрямство. Мой антипод умело фехтовался, но и я был профессионалом клинка. В итоге праздник был испорчен из-за этого идиота! Мы сражались, практически разрушив сцену и пару строений рядом, пока один из музыкальных судей – старый, лысеющий человек с очками в круглой оправе, всегда с блокнотом в руках, который пристально фиксировал каждую ноту и каждое движение, – не прокричал нам: «Эй, стойте! Ведь вы оба талантливы!» И это нас остановило в полном изумлении.

И тут Зубастик замер, словно пережил снова тот момент: крылья слегка задрожали, хвост замер в воздухе, глаза сжались в концентрированном, почти болезненном воспоминании, а чешуя на морде на мгновение изменила оттенок – оттенки страха, злости и удивления смешались в нём, будто он вернулся в тот самый день.

– Да? – удивился я, зная неукротимый характер своего питомца.

– Да, хозяин. – Он глубоко вздохнул. – Судья продолжал кричать: «И Зубастик, и Киклобус сыграли великолепную мелодию на своих инструментах! Почему бы вам не сыграть дуэтом? Ведь гитара так сочетается с саксафоном! И вы совместите свои музыкальные строки в одну композицию! Хватит быть антиподами друг другу!»

И мы остановились, удивлённые таким простым решением. Оказалось, ни я, ни он не такие уж и вояки, просто традиции и культура вынуждали нас решать нашу вражду сило-

вым методом. Циклоп смущённо спрятал дубинку, я тоже, краснея, убрал оружие. Нам стало стыдно за то, что мы испортили праздник всем собравшимся своим недостойным поведением. Хорошо, что не дисквалифицировали. Наверное, все понимали эту глупую проблему «естественных врагов».

– Ну, что было дальше? – торопил я к итогу Зубастика.

Тот хмыкнул:

– А дальше я с помощью магии восстановил гитару. А Киклобус своей силой выпрямил и вернул прежнюю форму саксафону. Леприконы, что были в числе жюри, быстро отремонтировали сцену. И мы, вначале смущаясь, стали играть вместе. И у нас всё получилось! Наша музыка была настолько оглушительной и эффектной, что нам сразу присудили первое место и дали Главный приз.

– А что за приз?

– Пиво пятидесятилетней выдержки в сосуде, напоминающем скрипичный ключ. Литров на семьсот.

– Ого-го! Неужели выпили? – удивился я, зная, как воздержан дракон от алкоголя.

– Нет, конечно, хозяин! – сказал Зубастик. – Я все отнекивался, но Киклобус настаивал, мол, нельзя оставлять «скрипичный ключ» полным, необходимо опустошить. И я обещал сделать позже...

– И когда? – спросил я. Мне было любопытно.

В этот момент дракон вздохнул, втянул ноздри и настороженно замер, словно учуял что-то неладное в воздухе. Чешуя на лбу слегка поблёскивала, глаза сузились, хвост дернулся в сторону двери – было видно, что его что-то вдруг обеспокоило.

– Как скоро? – не понял я.

В этот момент раздался стук в дверях. Я, чертыхаясь, вышел из каморки Зубастика, прошёл в коридор и открыл дверь.

И застыл.

Передо мной возвышался циклоп: здоровенный, волосатый, в рваном джинсовом костюме, пилотные очки на один глаз слегка сползали, ковбойская шляпа скрывала лысину – результат опалённой кожи, видимо, прошлых боевых приключений. За спиной у него болталась гитара, а в руках этот детина держал стеклянный скрипичный ключ, внутри которого бултыхалась тёмная, янтарно-коричневая жидкость, мерцающая на свету, будто в ней играли тени пламени.

– Привет! Так ты хозяин Зубастика?! – заорал циклоп, будто его голос мог сдвинуть стены. – Я – Киклобус, лучший друг твоего дракона! Пришёл распить с вами наш приз! Не держать же его мне двести лет!

Я переглянулся с Зубастиком. Тот едва заметно усмехнулся, ноздри чуть дрожали от предвкушения.

– Знаешь что, – сказал дракон, – хозяин, пожалуй, стоит не спорить. Лучше пригласим гостя.

Мы втроём поднялись в гостиную, осторожно поставили скрипичный ключ на стол. Циклоп смотрел на нас, потом на приз, потом снова на Зубастика. И вдруг мы начали смеяться – сначала робко, потом всё громче.

Сначала мы отпили по капле, потом ещё, а музыка и смех словно растянулись по комнате, переплетаясь с солнечными лучами, которые залетали через окно. И произошло невероятное: дракон и циклоп, заклятые антиподы, впервые за тысячу лет почувствовали настоящую дружбу, а не вражду.

С тех пор они устраивали совместные концерты, делились опытом, смеялись и шутили друг с другом. А главное, никто больше не видел в них врагов – только два странных, но гениальных музыканта, которые вместе могли согреть сердца любого слушателя.

И я понял: иногда естественные враги становятся лучшими друзьями – если есть музыка, смех и готовность оставить старые счёты позади.

На этом наша сказка и закончилась, а за окном солнце светило ярче, чем когда-либо, и воробьи, казалось, чирикали в такт музыке, которой уже не было конца

(1 сентября 2017 года, Элгг)

Дракон и инопланетяне

Стояла весна. Та самая, настоящая: с рыхлой, тёплой землёй, пахнувшей влагой и прошлогодней листвой, с робкими зелёными стрелками травы и прозрачным небом, в котором облака плыли медленно, как ленивые овцы. Воздух был наполнен звоном – жужжали насекомые, перекликались птицы, а солнце светило уже не по-зимнему осторожно, а уверенно, будто знало: его время пришло.

Я копался в огороде, сажая дыни, когда сверху свалилась тарелка.

Нет, это не была обычная посуда, какая стояла на кухне. Это была какая-то большая металлическая конструкция в форме глубокой тарелки, только на трёх телескопических ножках, которые выдвигались и складывались с мягким щелчком, будто суставы у живого существа. Поверхность её была матовой, серо-стальной, без швов и болтов, словно её вылили целиком. По ободу бежали тонкие светящиеся линии, а в центре пульсировал круг, меняя цвет от бледно-жёлтого до холодного голубого.

Она негромко жужжала и изливала жёлтый и голубой свет, пугая не только меня, но и летящих пчёл, прыгающих воробьёв и ползающих кротов, коих в моём огороде было немало. Живность вела себя странно: воробьи разом разлетелись, кроты вылезли на поверхность и тут же снова зарылись, а пчёлы заметались, будто потеряли ориентир. Иногда от конструкции отлетали искры – сухие, резкие, как у бенгальского огня в новогоднюю ночь. И у меня возникло серьёзное опасение пожара: погода стояла сухая, трава уже подсохла, а деревья могли вспыхнуть даже от небольшой искры. Я невольно сделал шаг назад, прикидывая, куда бежать, если полыхнёт.

Я был один в этот момент, не считая какого-то шмеля, который постоянно крутился над моей головой. Он гудел низко и недовольно, словно комментировал происходящее, иногда зависал прямо перед моим лицом, а потом снова описывал круги, явно не понимая, что за безобразии вторглось на его территорию.

Мой питомец – дракон Зубастик – как всегда занимался своими делами. Где-то в своей камерке он что-то чертил на бумаге, считал в уме, бормотал формулы, короче, изобретал и сюда носа не показывал. Иногда оттуда доносился скрип пера, иногда – глухой хлопок, словно он хлопал себя по лбу, а иногда – радостное «Ага!». Не зря его недавно утвердили в звании «Почётного профессора»: он этим гордился, но, надо отдать должное, не зазнался... почти. Загордился ровно настолько, чтобы забыть о домашних обязанностях. Всё взвалил на меня, а сам коротко отвечал:

– Хозяин, я занят... Как-нибудь без меня.

Это был прозрачный намёк: подметать полы и копать землю нынче ему не по статусу.

Ругаться с профессором не подошло, и я отправился по другую сторону дома, где располагались грядки с овощами и плодами, и привычно перекапывал землю. Лопата входила в почву мягко, комья рассыпались, пахло корнями и сыростью, и всё шло своим чередом – до того самого момента, как эта штука прилетела с неба и озадачила меня окончательно. Особенно в той части, когда вдруг в её боку проявилась дыра, словно металл стал жидким, и из неё посыпались... кирпичи.

Нет, это тоже не были кирпичи в нашем понимании, хотя по форме и цвету они уж больно походили на строительный материал. Только были они большими – в пол моего роста – и у каждого имелось семь или восемь коротких конечностей, торчащих из боков. Эти «лапки» шеве-

лились, цеплялись за землю, а сами кирпичи негромко жужжали – видимо, это была форма их коммуникационной связи.

Может, их понимали пчёлы, потому что те вдруг разом улетели прочь, за исключением всё того же шмеля. Он завис неподвижно в воздухе, как подвешенный на нитке, и тоже с явным недоумением наблюдал за незваными гостями, слегка наклоняя тело то в одну, то в другую сторону.

– Жжжж-жуууу... жж-жааааа... жжж-жыыы... – доносилась от них непривычная для моего восприятия речь. Звуки были вибрирующие, тянущиеся, с переливами, будто несколько старых трансформаторов пытались петь хором. Они чего-то от меня хотели, окружив полукольцом и шевеля странными конечностями. Ни глаз, ни носа, ни ушей, ни рта... Откуда тогда эти звуки?

Приглядевшись, я заметил, что звуки исходят от самого тела, как будто внутри у них работал механизм, похожий на будильник, издающий трель из глубины корпуса. Видимо, орган речи у них располагался внутри. При этом их поверхность темнела, переходя из рыжеватого-коричневой в почти чёрную – возможно, так проявлялись их чувства. Вот только было совершенно непонятно, радость это или злость.

– Я ничего не понимаю! – сердито произнёс я, сжав покрепче лопату. В этот момент мне показалось, что орудие труда вполне может превратиться и в оружие защиты, если умело дать ковшом по конечностям кирпича, который приблизился ко мне на подозрительно интимное расстояние.

– Гжжж-жююю... бзжиуу-зууу... – в несколько иной интонации продолжили кирпичи и бесцеремонно схватили меня за ноги своими короткими, но неожиданно сильными конечностями, потянув куда-то в сторону. Это было уже слишком. Такое не могло не возмутить даже меня, обычно степенного и спокойного.

– Пошли прочь! – крикнул я и трахнул лопатой по самому наглому кирпичу, который буквально толкал меня в спину.

Металл высек искры. Кирпич завертелся на месте, как юла, его жужжание стало резким, визгливым, явно возмущённым:

– Бзэээ-ээ-уууу! Бжиааа-уууу!

На его теле остался серо-зеленоватый след – глубокая полоса, будто шрам.

И я понял: весна в этом году будет... необычной.

Не знаю, был ли это призыв, негодование или нечто третье, однако кирпичи разом отскочили от меня и почти одновременно поменяли цвет. Их рыжевато-бурые поверхности потемнели, словно по ним пролили густую нефть: оттенки ушли в глубокий чёрный с металлическим блеском, а по телам пробежали едва заметные пульсирующие прожилки, как трещины в обсидиане. Конечности напряглись, вытянулись, движения стали резкими и слаженными – в них больше не было суеты, только холодная решимость.

Потом они разом окружили меня плотным кольцом и начали пищать уже не разрозненно, а вместе, синхронно, отчего звук стал гнетущим, давящим на уши:

– Бжууу-жуууу!.. Гжууу-ээ-эуууу!..

Писк был пронзительный, с вибрацией, от которой дрожали зубы и внутри грудной клетки неприятно резонировало, будто меня превратили в часть их странного инструмента.

В этот момент из тарелки вырвался зелёный луч. Он ударил мне прямо в глаза. Я зажмурился – свет не жёг зрачки, не ослеплял, но сам факт такого воздействия напугал до дрожи. И не напрасно: я внезапно почувствовал, что теряю вес. Не в переносном смысле – буквально. Земля ушла из-под ног, и они оторвались от почвы. Я стал подниматься в воздух медленно и неумолимо, как воздушный шарик, наполненный гелием, – без рывков, без ускорения, словно так и должно быть.

Открыв глаза, я увидел, как огород стремительно уменьшается внизу: грядки слились в полосы, дом стал игрушечным, а тарелка нависала надо мной, открывая в своём корпусе дыру, края которой плавно переливались, будто металл был живым и текучим.

– Эй-эй, что вы, камни тупые, делаете?! – заорал я, понимая, что висну на высоте метров сорок, а зелёный луч медленно, но уверенно втягивает меня в это отверстие. Паника накрыла с головой. Я размахивал руками, но воздух был плотным, вязким, словно я плыл в невидимой воде. Колдовство какое-то, не иначе!

Шмель, который ни на секунду не покидал меня, вдруг дико взвизгнул, словно обжёгся, и стрелой рванул в сторону, оставив за собой рваный зигзаг полёта. Его гудение оборвалось резко, как перерезанная струна. Я даже не успел проследить, куда он делся, потому что в следующий миг оказался внутри этой странной посуды.

А дальше – пустота.

Меня отрубил. Словно кто-то щёлкнул выключателем: погасло зрение, исчез слух, распалась мысль. Память свернулась, как плохо сложенная простыня. Не было ни темноты, ни света – просто небытие. Возможно, это и был сон, но сон без образов, без времени, без меня самого.

Очнулся я спустя неизвестно сколько. Не могу сказать, долго ли был в отключке: в этом месте не существовало ни дня, ни ночи. Я находился в замкнутом пространстве, белом, словно заполненном густым молочным туманом. Свет был рассеянным, без источника, а дальше пяти метров ничего не просматривалось – всё тонуло в однородной пелене.

– Ух ты, что за чёрт? – пробормотал я ошарашенно... и тут же вздрогнул.

Мой голос был не мой. Он тянулся, булькал, дрожал, будто звучал через воду или из глубокой трясины, словно говорила лягушка в болоте:

– У-у-х-х-х... т-т-ты-ы-ы... ч-ч-т-то-о-о... з-за-а-а-а...

Меня передёрнуло. Я потряс головой, пытаюсь собрать мысли в кучу. Вспомнил грядки, лопату, весну. Потом – тарелку. Потом кирпичи. Кстати, где они? Эти камнепоиды явно затащили меня сюда своим лучом.

И тут из тумана выползло нечто.

Большое. Массивное. Оно двигалось тяжело, уверенно, и с каждым шагом туман словно отступал перед ним. Существо было заковано в тёмную броню с резкими углами и сегментами, на которых играли тусклые отблески. От его вида внутри всё сжалось: холод пробежал по спине, ладони вспотели, а сердце ухнуло куда-то вниз. Я попятился, не скрывая ужаса. Душа ушла в пятки, и в тот момент я искренне подумал, что кирпичи выглядели куда милее – уж лучше бы они появились снова.

И вдруг я услышал знакомый голос:

– Хозяин, тебя на пять минут оставить нельзя одного! Обязательно вляпаешься в гнусную историю!

Из стекла шлема на меня глядела, ухмыляясь, морда Зубастика. Он явно был доволен ситуацией. Хотя слово «улыбка» к драконам применимо условно: он скалил клыки в порыве положительных эмоций, а челюсти у него были такие, что фантазия тут же подсовывала картины, как эти зубы легко перемалывают кости, мясо, жилы... бр-р-р-р. От такого зрелища становилось не по себе, даже когда знаешь, что перед тобой друг.

И всё же я был безмерно рад его видеть – даже в этом пугающем, непривычном наряде.
– Зубастик, дружище! – выдохнул я с облегчением. – Как здорово, что ты здесь!.. Ты что на себя нацепил?

Выражение у дракона стало таким, будто я его смертельно оскорбил. Он слегка выпрямился, броня на груди тихо щёлкнула, а хвост – даже в скафандре – дернулся с характерным металлическим звоном.

– Хозяин, – произнёс он с подчеркнутой обидой, – это же скафандр.

– Чего?..

– Ну, это защитный костюм, – начал он терпеливо, но с ноткой профессорского превосходства, – переделанный, правда, из стандартных рыцарских доспехов дракона DS-WQ12, под некомфортные условия для существования...

Он осёкся, заметив, как у меня вытянулось лицо, вздохнул и упростил:

– Короче говоря, для драконов в этой Вселенной тоже бывают среды, где жить неприятно. Например, чрезмерный холод до абсолютного нуля или температура свыше пятисот градусов. А вот сейчас, к примеру, снаружи полторы тысячи градусов по Цельсию. Любая биологическая структура при таком раскладе превращается в... э-э... уголь.

Он постучал когтем по нагрудной пластине.

– Короче! Я тоже могу поджариться, как поросёнок на вертеле.

Это многое объясняло. Правда, в голове никак не укладывалось, что дракона вообще можно чем-то напугать, да ещё и температурой. А представить себе Зубастика, медленно вращающегося на вертеле, с хрустящей корочкой и яблоком в пасти... бр-р-р. Картина была настолько абсурдной и неприятной, что я поспешил её прогнать, тряхнув головой.

Однако вопросы никуда не делись: где мы, зачем здесь и как вообще сюда попали? Я уже открыл рот, но Зубастик опередил меня:

– Хозяин, мы на планете, где живут цигели...

– Кто?!

– Цигели, – повторил он с видом лектора. – Жители силикатной формы жизни. Об их возможном существовании писал ещё сто тридцать лет назад великий арабский дракон Хамуд ибн Сулейман Драга Мухид ибн Аль-Харомий ибн...

Я уже видел, как он мысленно разворачивает многотомный труд, и поспешил вмешаться:

– Короче, Зубастик!

Дракон хмыкнул, явно сдерживая научный пыл, и продолжил проше:

– Это существа неуглеродного состава, в отличие от нас, землян. Они могут существовать только в условиях очень высоких температур. Наш климат для них – сущий кошмар. Поэтому они и прилетели к нам в скафандрах из высококомпозиционной керамики, которые ты принял за... кирпичи.

Меня передёрнуло.

– Да-да! Именно эти гады втянули меня в какую-то кастрюлю! – вскричал я с негодованием. – Оторвали от сельскохозяйственного труда! Похитили!

– Это их корабль в форме тарелки, не кастрюля, – спокойно поправил меня Зубастик. И, надо сказать, сделал это с таким уважением к конструкции, что я понял: он втайне восхищается этим летающим агрегатом. Его глаза блеснули, он даже провёл когтем по невидимой схеме в воздухе, будто мысленно разобрал двигатель и систему тяги.

– Да мне плевать, на какой посудине они явились в мой огород! – вспылал я. – Зачем они меня похитили?! Для чего заташили в эту странную камеру?! Меня что, пытать собираются?!

– Да, об этом мне сообщил Полосатик! – невозмутимо сказал Зубастик. – О твоём похищении инопланетянами.

Упоминание ещё одной жертвы заставило меня напрячься:

– Какой ещё Полосатик?! Его тоже украли эти цигели?

– Полосатик, – пояснил дракон, – это шмель, которого я представил тебе в охрану.

И тут всё встало на свои места. Я вспомнил навязчивое жужжание, вечное присутствие над головой, странную «случайную» бдительность насекомого. Я медленно, очень медленно перевёл взгляд на Зубастика.

– Ты... – протянул я мрачно. – Ты поставил мне соглядатая?

Он молчал.

– Так?! – продолжил я. – Эта навозная муха шпионила за мной?!

Я скрестил руки на груди и покачал головой:

– Ну, не ожидал от тебя такого, дружище... совсем не ожидал...

Дракон ответил невозмутимо, словно речь шла о самой обыденной вещи на свете:

– Ну, должен же был кто-то следить за тобой, хозяин, чтобы ты не вляпался в плохую историю.

Он сделал выразительную паузу и добавил с лёгким укором:

– А ты вляпался. И об этом мне прожужжал Полосатик.

Зубастик слегка наклонил голову, будто поправлял невидимые очки, и продолжил уже наставническим тоном:

– И вообще, Полосатик – совсем не муха. К мухам относятся насекомые из отряда Двукрылые, а шмель – это род перепончатокрылых насекомых из семейства настоящих пчёл, во многих отношениях близкий к медоносным пчёлам.

Он с удовлетворением кивнул, явно считая тему исчерпанной.

– Если бы не Полосатик, я бы не смог найти тебя и не узнал, что с тобой произошло. А так я выскочил из дома и увидел исчезающий в подпространстве корабль цигелей.

– Где? – насторожился я.

– Это... гм... – Зубастик замялся, подбирая слова, – пространство, которое не имеет расстояния... Короче, у меня нет времени раскладывать перед тобой теоретические разработки физиков о строении Вселенной, её многомерной и многоплановой структуре! Главное – они не отрицают ОТО!

– Кого? – переспросил я.

– Общую теорию относительности Эйнштейна!

Я почесал лоб – тут я, как ни странно, чувствовал себя уверенно:

– Ты про Альберта Эйнштейна?

Реакция Зубастика была неожиданной. Он аж заскрежетал крыльями, упрятыми в броню, а глаза расширились:

– С каких это веков, хозяин?! Неужели ты знаешь великого Эйнштейна?!

Я хмыкнул и расправил плечи:

– Обижает, дружище! Альберт Эйнштейн в прошлом месяце забил свой сотый гол в ворота мадридского «Реала»! Это было, скажу тебе, зрелище! Лучший нападающий «Клинка Конквистадора», не зря был учреждён в легионеры...

Похоже, я допустил фатальный промах. Морда у дракона скривилась, словно он внезапно почувствовал острую зубную боль: челюсть дёрнулась, ноздри расширились, а взгляд стал стеклянным и обречённым.

– О... боже...

– Чего? – искренне не понял я.

– Ладно, хозяин, не отвлекайся! – с усилием взял себя в лапы Зубастик. – Продолжу...

Он глубоко вздохнул и заговорил уже деловым тоном:

– По инверсионному следу гравитационного двигателя я понял, что они совершили телепортацию. Вычислить координаты не составило труда, ибо ещё сто лет назад китайский дракон-геометр Мао Ли Цзы-Гун составил таблицу, позволяющую просчитывать движения по подпространству. И я выяснил, что их родная планета находится в галактике Японская Лепёшка, в двадцати трёх миллионах световых лет от Земли.

– Это далеко? – насторожился я, ощущая, как внутри что-то холодеет.

Название галактики мне было совершенно незнакомо, да и в астрологии... или астрономии – я так и не понял, что из этого наука, – я разбирался слабо. Спрашивать лишнее не решился.

– Очень, – вздохнул дракон. – Эту галактику не видно ни в один телескоп. Она была обозначена теоретически, можно сказать, вычислена «на конце пера» великим индийским драконом-астрономом Брухтумандия Сингхом Бачатаригунди сорок лет назад.

Он продолжил:

– Полосатик описал мне пришельцев, и я понял, что они с высокотемпературной планеты. Поэтому мне пришлось надеть скафандр, который я сделал ещё три года назад.

И тут я вспомнил, как однажды Зубастик приволок со свалки груды ржавого металла, труб, пластин и каких-то шестерёнок и неделями возился с этим хламом, искры летели от автогена, грохотал молот, а весь двор был завален железом. Я тогда ещё возмущался, что мусора у нас и так хватает.

Теперь же понял, что зря ругался. Рыцарские доспехи, переделанные в скафандр, создавали облик мужественного, грозного и внушительного дракона – именно такого, каким он и должен был предстать перед похитителями. Не просто спасатель, а предупреждение: мол, вот кто пришёл за своим хозяином. И пускай видят. И пускай дрожат.

– Я быстро переделал машинку, которую мы когда-то использовали для путешествий в параллельные миры, а потом и во времени, – сказал Зубастик и кивнул на знакомые часы у себя на запястье.

Это были массивные, чуть поцарапанные хронометры с циферблатом из темного стекла, под которым лениво переливались символы, похожие на руны и формулы одновременно. Стрелки двигались не по кругу, а словно скользили, иногда замирая и делая рывки, будто часы сами решали, какое «сейчас» им показывать.

– Они открыли дорогу в подпространство... Я ввел координаты, телепортировался прямо сюда и обнаружил тебя в этом странном помещении.

Он говорил спокойно, словно речь шла о походе за хлебом.

– Сами «цигели» не могут войти к тебе без скафандров, иначе они замерзнут и развалятся на куски. Я их видел – типичная лава, что извергает вулкан на Земле. Однако они разумные, – дракон пренебрежительно махнул лапой, будто речь шла о чем-то второстепенном.

Я невольно представил мир цигелей: бескрайние равнины расплавленного камня, медленно текущие огненные реки, черные скалы, светящиеся изнутри, как раскаленные угли. Небо – тяжелое, густое, цвета меди, без солнца и звезд, а вместо ветра – колебания жара, от которых сама реальность дрожит, словно мираж. Мир, где жизнь не ползает и не бегает, а течет и вибрирует, не зная ни холода, ни тени.

– С ними можно тогда поговорить, рассказать об Уголовном кодексе, где есть ответственность за похищение человека... – начал было я, цепляясь за привычную логику.

Зубастик ненавязчиво, но твердо перебил меня:

– Они не мыслят нашими земными категориями. У них нет мозгов и чувств, их мышление – это изменение магнитного поля и электрические сигналы. Нет сердца и печени. Они не видят, не слышат, не говорят. Их мышление – это образы, в которых нет ничего ясного для человека или дракона. Это совсем иная форма жизни, хозяин! Они не могут узреть тебя, так как не могут ощутить твое присутствие. И до твоих моральных идей или законов им нет никакого дела.

Признаюсь, я был не до конца согласен. Я слишком хорошо помнил нотки возмущения в тех резких, нервных вибрирующих звуках, которые издавали инопланетяне, когда я дал отпор лопатой. Там было что-то... похожее на раздражение, на протест, пусть и чуждый, нечеловеческий. Может, это и правда было нечто иное?

А Зубастик тем временем продолжал:

– Их смутило наличие металла, – он указал на лопату, которую я, как оказалось, всё ещё сжимал в руках. – Они ощущают более плотную материю – только металлы и камни. А ты для них – как пустота. И они намерены изучить лопату, считая её тоже живой формой. Поэтому и поместили тебя в эту камеру, создав атмосферу Земли.

Он сделал паузу и мрачно добавил:

– Но если они поймут, что твой инструмент не живой и не разумный, то откроют это помещение – и огромная температура, ворвавшаяся сюда, испепелит тебя в считанные секунды. Ведь биологических существ они не воспринимают. Твою гибель они просто не заметят. А если и заметят – не станут грустить. У них нет таких понятий.

Мне стало по-настоящему жутко. В груди похолодело, ладони вспотели, а мысли метались, как пойманные птицы. Зубастик иногда бывал слишком прямолинеен, но сейчас его слова пробрали до дрожи. Однако лучше знать правду, чем цепляться за иллюзии.

– И что же делать? – я облизнул пересохшие губы, представив, какой ад творится сейчас за пределами этого белого помещения.

В этот момент до меня донеслись странные звуки – глухие, нарастающие вибрации, словно где-то совсем рядом двигалась огромная масса, недовольная и нетерпеливая. Воздух будто дрожал. Мне показалось, что кто-то или что-то собирается возле нашей камеры. Я насто-рожился, вслушиваясь.

Но Зубастик вновь заговорил:

– Я создам шар из жаропрочного стекла и помещу внутрь тебя, вынесу на поверхность планеты, а затем мы телепортируемся домой. А чтобы цигели ничего не поняли, лопату оставим здесь...

Я с сожалением посмотрел на сельскохозяйственное орудие. Потертая рукоять, знакомый изгиб металла, следы времени и труда – лопата досталась мне от деда. Семейная память, да и в хозяйстве вещь нужная. Оставлять её на чужой, адски горячей планете было мучительно неприятно.

Но выбора не было. Тяжело вздохнув, я наклонился и положил дедушкину память на пол.

Зубастик, не теряя ни секунды, поднял лапы и начал колдовать.

Воздух вокруг меня сперва дрогнул, словно над раскалённой дорогой в летний полдень, затем уплотнился и зазвенел тонкой, почти хрустальной нотой. Из пустоты стали вырастать прозрачные линии, переплетаясь в сложную геометрическую сетку. Они сходились, замыкались, округлялись – и вот уже вокруг меня сформировался идеально гладкий шар из жаропрочного стекла. Его поверхность переливалась радужными бликами, будто мыльный пузырь, но ощущался он монолитным и надёжным, как броня. Внутри стало прохладно и спокойно, а внешний адский жар больше не ощущался вовсе.

Что-что, а в своём ремесле Зубастик был мастер. И всё же до сих пор чёрт сломит, где у драконов заканчивается наука и начинается магия – они у них, похоже, срослись в одно целое.

И тут я с изумлением заметил, что вокруг меня кружится шмель.
– А это кто? – с подозрением спросил я, тыча пальцем в сторону полосатого спутника.
– Не спрашивай, хозяин, ты ведь понял, – прямо ответил дракон.

Да, это был тот самый Полосатик-шпион, который, если быть справедливым, спас мне жизнь. Поэтому я не стал возражать против его присутствия в стеклянном шаре, хотя и не понимал, зачем он полез в это опасное путешествие. Наверное, привязался ко мне, как собачка, или считал своим долгом довести миссию до конца.

Подталкивая шар к выходу, Зубастик направился к керамической двери. Однако он даже не успел к ней прикоснуться, как та сама раскрылась, и к нам ввалилась целая группа кирпичей.

Сложилось впечатление, будто обычная кирпичная стена вдруг ожила: прямоугольные тела плотно прижаты друг к другу, из швов торчат короткие многосуставчатые конечности, которые шевелились, царапая пол. Они гудели, как мощный трансформатор на подстанции, и из их тел вырывались электрические искры, вспыхивая и тут же гаснув в воздухе.

– Блин! Попались! – заорал я и начал колотить кулаками по стеклу.

Естественно, вырваться из шара было невозможно. Полосатик тоже тревожно загудел, заметался, стучаясь о прозрачные стенки.

Казалось бы, чего мне бояться? Меня они не видят, а лопата валяется на полу. Но цигели обступили шар, внутри которого я метался от страха, и переключили внимание на Зубастика. Они не просто подходили – они наступали, излучая волны давления и требовательных вибраций.

Зубастик медленно отступал, озираясь, разводя лапами и пожимая плечами, всем своим видом показывая: я не виноват, ничего не знаю, не видел, отстаньте.

Особенно наседали один из них. Я пригляделся – и похолодел. На его теле чётко выделялся серо-зеленоватый след, глубокая полоса. Моя лопата навсегда оставила на нём свой автограф. И тут цигели разом излучили молнии. Вспышка была такой яркой, что мир перед глазами побелел, словно меня ослепили сваркой. Я зажмурился, но даже сквозь веки видел танцующие пятна света.

Что происходило дальше, я не видел, лишь слышал скрип, треск и металлический скрежет, будто ломались гигантские механизмы.

Когда зрение вернулось, я увидел вокруг себя застывших инопланетян – каждый в своей нелепой позе, словно их внезапно превратили в скульптуры. А рядом стоял довольный Зубастик, потирающий ладонки в бронированных перчатках.

– Что с ними? – выдохнул я.

– Да-а... заморозил, – спокойно пояснил он, поднимая на меня глаза. – Всё элементарно, хозяин. Стоит опустить температуру до абсолютного нуля, как прекращаются их жизненные функции. Обычная физика!

– Ты их убил?! – обалдел я.

У меня внутри всё сжалось: сердце ухнуло куда-то вниз, ладони похолодели, а в голове зашумело. Зубастик наморщился:

– Хозяин, я не палач. Я не убиваю. Я просто за-мо-ро-зил! Как только температура восстановится до приемлемого для них уровня, эти кирпичи оживут. Они фактически бессмертные.

Он посмотрел в сторону выхода и добавил:

– Очень надеюсь, что к этому времени нас здесь уже не будет.

Но это всё ещё не проясняло ситуацию.

– А почему они напали на тебя? – настойчиво спросил я.

– Ну, я же массивный, большой, на мне много металла! – пояснил дракон, и при этом странно скривил челюсти, будто пытался соврать, но не умел сдерживать эмоции. Я невольно заподозрил: а не скрывает ли он что-то?

– Зубастик, мне уж можешь сказать правду! – настоял я. – Правда, хоть и горькая, но лучше сладкой лжи! – и сам удивился своему философскому подходу к ситуации.

Дракон нехотя признался:

– Ну, хозяин... Прилетел я сюда и вижу этот гиперпространственный корабль. Конечно, это чудо инопланетного производства, нам ещё далеко до таких конструкций. Поэтому решил разобрать его, чтобы понять, как устроен двигатель, механизмы, принципы работы...

Он на мгновение замялся, и я уловил тень неловкости в его глазах, словно дракон испытывал психологический дискомфорт. Морда Зубастика слегка побледнела, приняв сиреневый оттенок, что у драконов, как оказалось, означало чувство стыда и тревоги.

– Ну, это не понравилось цигелям, – продолжил он, – они плавали в магме вокруг, стали меня отталкивать. Я тогда их облил морозящей пеной, и пока они застыли как статуи, быстро распилит «тарелку».

– И что? – переспросил я.

– Ничего... ничего не понял. Там вообще чуждая нам эволюция. Технология недоступна нашему пониманию. Естественно, собрал корабль не так, как было, – именно поэтому они и занервничали, когда ворвались сюда.

Я разозлился:

– То есть ты решил спасти меня не сразу, а сначала заняться промышленным шпионажем? Ты удовлетворял своё любопытство? Для тебя эта техника была важнее меня? Какой же ты после этого друг?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.